

В детстве её "спасли"
от "сектантов" –
родителей.

Теперь хакерша Алиса
раскрывает индустрию
похищений
и манипуляций.

ОЖИТА НА ЛОВЦОВ ДЕТЕЙ

Готовы ли вы
узнать правду?

РИК ПАТТЕРСОН

Охота на ловцов душ

Рик Паттерсон

Все персонажи и события в данном произведении являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими — а также с реальными организациями, местами или событиями являются случайными.

Произведение представляет собой художественную книгу и не претендует на документальную точность.

Оглавление

Пролог

Глава 1: Аномалия в коде

Глава 2: Цена спасения

Глава 3: Фабрика отступников

Глава 4: Создатели страха

Глава 5: Палата номер шесть

Глава 6: Европейский след

Глава 7: Тень свастики

Глава 8: Код убийцы

Глава 9: Уэйко по-русски

Глава 10: Охотник становится добычей

Глава 11: Черный архив

Глава 12: Исходный код свободы

Пролог

Звук, который разделил мою жизнь на «до» и «после», не был похож на взрыв. Это был сухой, трескучий хруст — так ломается дерево, когда в него с размаху врезается что-то тяжелое и безжалостное. Входная дверь, наш старый дубовый щит от внешнего мира, рухнула внутрь прихожей вместе с косяком.

Мне было семь. Я сидела на полу в гостиной, собирая замок из кубиков. Красный, синий, желтый. Идеальная симметрия. В то мгновение, когда в коридор ворвались люди в черном камуфляже и масках, я держала в руке зеленую пирамидку — крышу для главной башни. Она так и осталась в моем кулаке, впиваясь острыми гранями в ладонь, пока меня не вытащили на улицу.

— Всем на пол! Работает спецназ! — крик был таким громким, что казался не звуком, а физическим ударом.

Отец выбежал из кухни. Он был в домашней футболке, с полотенцем в руках. Он не был похож на лидера опасного культа или фанатика, готовящего конец света. Он был просто папой, который пять минут назад обещал почитать мне перед сном.

— Что происходит? Кто вы? — его голос дрогнул, когда первый удар приклада опрокинул его на паркет.

Я не закричала. Страх сковал горло ледяным обручем. Я видела, как маму прижали к стене. Она не сопротивлялась, только смотрела на меня расширенными от ужаса глазами и беззвучно шевелила губами. Я не умела читать по губам тогда, но спустя двадцать лет, прокручивая это воспоминание в кошмарах, я поняла, что она говорила: «Не бойся, мы любим тебя».

Человек, который подошел ко мне, не был в маске. Это был единственный открытый лик в море черного нейлона. У него было рыхлое лицо и маленькие, колючие глаза за стеклами очков. Он присел передо мной на корточки, заслоняя собой лежащего на полу отца, из разбитой губы которого на паркет капала кровь.

— Бедная девочка, — сказал он, и в его голосе не было ни капли жалости, только холодное, профессиональное удовлетворение. — Ты в безопасности. Мы пришли спасти тебя от этих монстров.

— Это папа, — прошептала я.

— Нет, — он покачал головой, и свет лампы блеснул на его лысине. — Это не папа. Это преступник, который украл твою душу. Но мы её вернем. Мы всё исправим.

Меня подхватили чьи-то сильные руки. Я брыкалась, пытаюсь увидеть родителей в последний раз. Я видела, как отцу стягивают руки пластиковой стяжкой за спиной. Я видела, как маму толкают к выходу. Но меня несли в другую сторону. В черный фургон без окон.

Там уже сидела женщина в строгом костюме. Она протянула мне бутылку воды и сказала:

— Пей. Тебе нужно забыть всё, чему тебя учили.

Следующие месяцы слились в бесконечный серый туман. Реабилитационный центр «Новый Путь» не был похож на больницу. Это был лабиринт из комнат с мягкими стенами и кабинетов, где горел слишком яркий свет. Там не было игрушек. Там были «беседы». Часами, днями, неделями.

— Твои родители хотели принести тебя в жертву, — говорил добрый доктор с мягким голосом.

— Нет, мы читали сказки и пекли пироги, — отвечала я.

— Это была маскировка. Ты помнишь, как отец заставлял тебя молиться?

— Мы просто благодарили Бога за еду.

— Это называется психологическое насилие, милая. Тебя зомбировали. Ты больна, но мы тебя вылечим.

Они показывали мне фильмы. Страшные кадры массовых самоубийств, людей с безумными глазами, горящих зданий.

— Это твоя семья, — говорили они. — Это то, кем они были на самом деле.

Постепенно моя память начала сдаваться. Яркие образы маминой улыбки и папиных рук затирались, покрывались грязью их слов. Я начала сомневаться. Может, я действительно чего-то не понимала? Может, та зеленая пирамидка в моей руке была не игрушкой, а ритуальным предметом? Я сломалась на третий месяц. Я сказала на камеру то, что они хотели услышать: «Мои родители — сектанты. Они мучили меня. Спасибо, что спасли меня».

Человек, которого все называли Александр Леонидович Дворкин, удовлетворенно кивнул, стоя за спиной оператора.

— Хорошая работа. Материал готов, — бросил он кому-то в коридоре. — Отправляйте счета заказчикам. Девочку можно передавать в приют.

Я выжила. Я выросла. Я научилась прятаться не под кроватью, а за мониторами компьютеров. Я стала призраком в цифровом мире, экспертом по поиску уязвимостей. Я научилась взламывать банковские системы, находить дыры в защите корпораций и восстанавливать удаленные данные. Но главную уязвимость — дыру в собственной памяти — я не трогала годами. Я боялась туда смотреть. Я верила, что меня спасли.

Пока вчера вечером, тестируя новый алгоритм поиска по архивам даркнета, я случайно не наткнулась на отсканированный документ двадцатилетней давности. Это была смета. Финансовый отчет некоммерческой организации «Гражданская защита». В графе «Расходы» значилось: «Операция по изъятию объекта № 49 (семья К.)». А в графе «Доход» стояла сумма, на которую можно было купить три квартиры в центре Москвы. И примечание: «Грант за успешную нейтрализацию ячейки».

Мое детство не было трагедией. Мое детство было бизнес-проектом. Я посмотрела на свое отражение в черном зеркале выключенного монитора. Женщина, которая смотрела на меня оттуда, больше не была испуганной семилетней девочкой. Они назвали себя охотниками за сектами, но они не знали, что создали хищника, который однажды придет за ними.

Я открыла терминал и ввела команду. > initiate_search: target_list

Охота началась.

Глава 1: Аномалия в коде

Мониторы в моей квартире никогда не гаснут. Они — единственные окна, в которые я не боюсь смотреть. За окнами из стекла и пластика лежит Москва, сырая, хаотичная, полная людей, которые лгут, предают и верят в чудовищные сказки.

Здесь же, в зеленоватом свечении терминалов, существует только чистая логика. Единица — это истина. Ноль — это ложь. Между ними нет места для интерпретаций, нет места для «спасения души», нет места для той липкой, сладковатой риторики, которой меня кормили в детстве.

Я набрала команду. Курсор мигнул и замер, ожидая отклика от удаленного сервера.

В свои двадцать семь я знала о цифровой безопасности больше, чем начальники отделов в крупных госкорпорациях. Я была «белой шляпой» днем, тестируя банковские шлюзы на прочность, и исследователем цифровых свалок ночью. Но сегодня я искала не уязвимости в коде новой криптовалюты. Я искала уязвимость в собственной биографии.

Память — ненадежный свидетель. Психологи в центре «Новый Путь» годами твердили мне, что мои воспоминания о счастливом детстве — это ложная память, имплантированная лидерами культа. Они называли это «индоктринацией». Но цифры не поддаются гипнозу. Финансовые отчеты не ходят на исповедь.

На третьем мониторе поползли строки логов. Скрипт, который я написала неделю назад, просеивал массивы отсканированных документов из слитой базы данных одной ликвидированной аудиторской фирмы. Эта фирма в начале нулевых обслуживала десятки НКО, работавших под эгидой «духовной безопасности».

Система пискнула, выдав совпадение.

MATCH FOUND: file_id_89921.pdf TAGS: consulting, extraction, logistics, grant_report

Я открыла файл. Это был скан плохого качества, бумага пожелтела, но печать «Оплачено» стояла четко, перекрывая угловатую подпись бухгалтера. Документ назывался сухо: «Акт выполненных работ по договору № 44-ФЗ/2004».

Я приблизила изображение. Дата: 14 ноября 2004 года. Ровно через три дня после того, как спецназ выбил дверь нашей квартиры.

В графе «Заказчик» значился фонд, название которого мне ничего не говорило — какая-то аббревиатура, похожая на государственную структуру. А вот в графе «Исполнитель» стояло знакомое до тошноты название: Центр религиоведческих исследований «Гражданская защита».

Мой взгляд скользнул ниже, к перечню услуг. Я ожидала увидеть что угодно: «реабилитация», «помощь пострадавшим», «социальная адаптация». Но бюрократия имеет свойство быть цинично честной в закрытых документах.

Пункт 1. *«Оказание консультационных услуг по изъятию несовершеннолетних из деструктивной среды (Объект № 49, семья К.)»*.
Стоимость: 12 000 условных единиц.

Пункт 2. *«Транспортировка спецконтингента и первичное размещение»*.
Стоимость: 3 500 условных единиц.

Пункт 3. *«Депрограммирование (курс интенсивной терапии, 1-й этап)»*.
Стоимость: 25 000 условных единиц.

Я откинулась на спинку кресла, чувствуя, как холод пробирается под свитер. Двадцать пять тысяч долларов. В 2004 году за эти деньги можно было купить хорошую квартиру в спальном районе. Мое «спасение» стоило как недвижимость.

Слово «депрограммирование» резало глаза. В публичных интервью эти люди говорили о милосердии, о волонтерстве, о том, что они бескорыстно спасают души детей от лап фанатиков. Но здесь, в черно-белой таблице, моя душа была просто строкой в смете. Услугой. Товаром.

Я вспомнила те сеансы. Комнату без окон, где воздух был спертый, а свет — неестественно белым. Я вспомнила человека, который сидел напротив. Мы звали его Профессор. Он никогда не повышал голос. Он говорил мягко, обволакивающе, словно паук, пеленающий муху.

— Ты должна понять, Алиса, — говорил он тогда, протирая очки замшевой тряпочкой. — Твоя любовь к родителям — это не любовь. Это зависимость. Как наркотик. Мы просто помогаем тебе пережить ломку.

Теперь я смотрела на скан документа и видела его подпись внизу страницы. Размашистую, уверенную, с завитушкой на конце. Подпись человека, который только что закрыл выгодную сделку. Он не лечил меня. Он отрабатывал грант.

Мои пальцы задрожали над клавиатурой. Я свернула окно с актом и открыла базу судебных решений. Если верить газетам того времени, мои родители были опасными преступниками, создателями террористической ячейки, которые планировали массовое самоубийство или что-то похуже. О нас писали все

таблоиды. «Сектанты готовили жертвоприношение», «Дети в подземельях фанатиков».

Я ввела фамилию отца. *Поиск...* Результат: 0.

Я ввела фамилию матери. *Поиск...* Результат: 0.

Я изменила параметры поиска, расширив диапазон на десять лет. Я искала приговоры по статьям: создание экстремистского сообщества, насилие над несовершеннолетними, мошенничество. Я искала хоть что-то, что оправдало бы тот штурм, выбитые двери, кровь на паркете и годы моего заточения в реабилитационном центре.

Система выдавала пустоту.

— Этого не может быть, — прошептала я в тишину комнаты.

Если был штурм, если было задержание, должно быть уголовное дело. Должен быть суд. Должен быть приговор. Даже в самой коррумпированной системе бумажный след остается всегда. Человека нельзя просто стереть, если его арестовали официально.

Я запустила поиск по административным правонарушениям. И вот тут нашла. Два протокола. «Мелкое хулиганство» и «Неповиновение законному требованию сотрудника милиции». Даты совпадали с днем штурма.

Штраф. Пятьсот рублей.

Я смотрела на экран, и мне казалось, что монитор плавится. Моих родителей, которых по телевизору называли монстрами, угрозой обществу, лидерами деструктивного культа, юридически обвинили только в том, что они не сразу открыли дверь.

Где же обвинения в терроризме? Где доказательства насилия? Их не было. Не было никакого суда, на котором прокурор зачитывал бы страшные детали их преступлений. Потому что преступлений не было.

Была медийная кампания. Был заказ. И был акт выполненных работ.

Я встала и подошла к окну. Москва за стеклом казалась огромным, сложным механизмом. Раньше я думала, что мои враги — это фанатики, люди, ослепленные

идеей. Но фанатики не составляют сметы с такой бухгалтерской точностью. Фанатики не называют похищение ребенка «консультационной услугой».

То, с чем я столкнулась, не было религией или борьбой с ней. Это была индустрия.

Я вернулась к столу и снова открыла финансовый отчет. В примечании к платежу мелким шрифтом было указано основание для перевода средств: *«Грант № 12-Б на реализацию программы по профилактике экстремизма в молодежной среде»*.

Деньги были государственными.

Мое похищение оплатили налогоплательщики. Возможно, даже мои собственные бабушка и дедушка, покупая хлеб или оплачивая коммунальные услуги, внесли свой вклад в бюджет, из которого потом выделили двадцать пять тысяч долларов на то, чтобы сломать мне психику.

В голове всплыл образ из детства. Не тот, страшный, со спецназом, а другой. За неделю до штурма. Папа сидит на кухне, обхватив голову руками. Перед ним лежит газета.

— Они не дадут нам жить, — говорит он маме. — Они звонили на работу. Сказали начальнику, что я вербую клиентов. Меня уволили, Лен. Просто выставили за дверь.

— Мы найдем адвоката, — отвечает мама, глядя его по плечу.

— Какой адвокат? — папа поднимает на нее глаза, полные отчаяния. — Ты не понимаешь? Это не просто люди. Это система. Им не нужна правда, им нужны показатели.

Тогда я не поняла его слов. Я думала, он говорит о каких-то злых соседях. Теперь я понимала.

Я начала скачивать весь массив данных, связанный с НКО «Гражданская защита». Гигабайты отчетов, переписок, сканов. Мой жесткий диск заполнялся доказательствами того, как человеческие судьбы перемалывались в жерновах бюрократической машины.

Я наткнулась на еще один документ. Внутренняя переписка сотрудников центра. Тема: «Касательно объекта № 49». *«Девочка поддается воздействию тяжело. Сильная эмоциональная привязанность к объектам устранения (родителям). Рекомендую усилить курс. Перевести на медикаментозную поддержку. Бюджет позволяет».*

Подпись: И.В.

«Бюджет позволяет». Эти два слова эхом отдались в ушах. Они могли делать со мной что угодно, потому что на это были выделены средства. Если бы бюджет закончился раньше, меня, возможно, оставили бы в покое? Или выбросили бы на улицу?

Я вспомнила других детей в центре. Мальчика, который все время раскачивался из стороны в сторону. Девочку постарше, которая по ночам кричала во сне. Нам говорили, что мы больны. Что нас искалечили родители. Но теперь я видела правду: нас калечили здесь, за государственный счет, методично и профессионально, отчитываясь за каждый потраченный рубль.

Это был конвейер. Механизм. Безликий, холодный, лязгающий шестеренками. В него загружали счастливые семьи, а на выходе получали сломленных детей и отчеты об успешной борьбе с «сектами».

Я почувствовала, как внутри закипает ярость. Не та детская обида, от которой хочется плакать в подушку. Это была холодная, расчетливая ярость взрослого человека, который держит в руках оружие. Моим оружием была информация.

Я посмотрела на свое отражение в темном экране. Бледное лицо, темные круги под глазами. Я больше не была жертвой. Я была аномалией в их коде. Ошибкой, которую они забыли стереть. Они думали, что перепрограммировали меня, сделали послушным винтиком общества. Но они допустили баг. Они научили меня искать.

И я нашла.

В папке с финансовыми документами лежал еще один файл, который я чуть не пропустила. Это был список «перспективных целей» на 2005 год. Десятки фамилий. Адреса. Количество детей. И напротив каждой фамилии — предполагаемая сумма гранта.

Это был бизнес-план. План по похищению людей, утвержденный и подписанный.

Я распечатала акт о моем «изъятии». Бумага была теплой, только что из принтера. Я положила её на стол, рядом с клавиатурой. Это был первый кирпич в стене доказательств, которую я собиралась построить.

Но оставался главный вопрос. Если моих родителей не судили, если они не сидели в тюрьме, куда они исчезли? Почему они не искали меня? Почему за двадцать лет я не получила от них ни одного письма?

Официальная версия гласила, что они отказались от меня, осознав свою вину. Но теперь я знала цену официальным версиям.

Я открыла терминал и ввела новый запрос. На этот раз я не искала судебные решения. Я искала следы исчезновения. Базы данных неопознанных тел, списки пропавших без вести, архивы миграционных служб.

Механизм был огромен, но у него были стыки. Швы, где детали прилегали друг к другу неплотно. И я собиралась вставить в один из таких швов лом.

Телефон на столе вибрировал, но я не обращала внимания. Мир за окном перестал существовать. Существовала только сеть, в которой где-то прятались пауки, соткавшие мою судьбу.

Я взяла маркер и написала на распечатанном акте одно слово: *НАЧАЛО*.

В этот момент экран моргнул. Соединение на долю секунды прервалось, а затем восстановилось. Это могло быть просто колебание напряжения в сети. Или кто-то на том конце провода заметил, что в архиве, который считался мертвым и забытым, кто-то включил свет.

Я улыбнулась, но улыбка вышла хищной. Пусть видят. Пусть знают.

Охота на ловцов душ открыта.

Глава 2: Цена спасения

Курсор мигал на черном фоне терминала, отсчитывая секунды моей бессонницы. Три часа ночи. Время, когда город за окном превращается в серую, безжизненную массу бетона, а цифровые магистрали, наоборот, оживают, наполняясь трафиком ботов, шифрованных транзакций и скрытых данных.

Я отодвинула в сторону остывший кофе. Найденный ранее акт о моем «изъятии» был лишь ниткой, торчащей из огромного, свалывшегося клубка. Если мое похищение было услугой, то кто-то должен был поставить этот сервис на поток. Единичные преступления совершают маньяки. Системные преступления совершают корпорации.

Я запустила скрипт анализа финансовых связей, который обычно использовала для аудита офшорных схем. На этот раз целью был не банк, а сеть благотворительных фондов и общественных организаций, аффилированных с «Гражданской защитой».

На экране начала выстраиваться визуализация графа. Узлы, связи, транзакции. Сначала это выглядело как хаос, но спустя полчаса алгоритм выделил структуру. Это была не просто сеть. Это была воронка.

В центре находился расчетный счет РАЦИРС и связанных с ним структур. А вот источники поступлений заставили меня забыть о том, как дышать.

Я ожидала увидеть частные пожертвования. Ну, знаете, сердобольные бабушки, несущие последние копейки на борьбу с «сатанистами». И они были. Но их доля в общем котле составляла жалкие проценты, статистическую погрешность. Основной поток денег шел из двух других источников: государственных грантов и странных, регулярных платежей от коммерческих структур, которые, казалось бы, не имели никакого отношения к религии.

Я открыла папку с грантовой документацией за 2005–2010 годы.

«Проект: Социальная гигиена». Сумма: 8 миллионов рублей. «Проект: Духовный щит Отечества». Сумма: 12 миллионов рублей.

Я начала сопоставлять даты. Это было похоже на чтение кардиограммы больного общества.

12 февраля 2006 года: В крупной федеральной газете выходит разгромная статья о «поясе шахидов», якобы формируемом в подпольных школах йоги. Статья истеричная, без фактов, но с обилием страшных эпитетов: «зомбирование», «психотропное оружие», «угроза национальной безопасности».

20 февраля 2006 года: «Гражданская защита» подает заявку на грант для «проведения профилактических бесед и мониторинга нетрадиционных культов».

15 марта 2006 года: Грант одобрен. Деньги поступают на счет.

Схема была гениальной в своей простоте. Они не боролись с пожарами. Они были поджигателями, которые продавали услуги по тушению огня, который сами же и развели. Сначала создается медийный шум. В прессу вбрасывается страшилка. Общество пугается, чиновники нервничают и требуют «принять меры». И тут на сцене появляются люди в строгих костюмах — «эксперты». Они говорят: «Мы знаем, что делать. Но нам нужны ресурсы».

И государство платило. Щедро, не глядя в сметы.

Я углубилась в детали одного из таких кейсов. История центра «Рождение», занимавшегося поддержкой грудного вскармливания и естественного родительства. В базе данных я нашла внутреннюю переписку сотрудников «Гражданской защиты».

«Объект набирает популярность. Финансовые потоки значительные. Конкуренты из клиники “М...” готовы спонсировать информационную кампанию. Техническое задание: привязать методики “Рождения” к оккультизму, объявить руководителя гуру. Срок — месяц».

Я перечитала это дважды. Это не была идеологическая война. Это был банальный коммерческий заказ. Крупная сеть частных клиник, торгующаяся на бирже, использовала «сектоведов» как киллеров для устранения конкурента. Только убивали не людей, а репутацию.

В отчете, датированном годом позже, значилось: «Результат достигнут. Руководитель под следствием. Организация ликвидирована. Бонус от заказчика получен».

Мои пальцы летали по клавиатуре, вытаскивая из цифрового небытия все новые и новые файлы. Я чувствовала себя патологоанатомом, вскрывающим гнилое тело системы.

Но гранты и заказы на устранение конкурентов были лишь вершиной айсберга. Ниже, в темных водах бухгалтерии, скрывалось кое-что похуже.

Я наткнулась на таблицу с заголовком «Абонентская плата / Регионы». В списке значились десятки названий: общины кришнаитов, протестантские церкви, центры личностного роста, школы медитации. Напротив каждого названия стояла сумма. Обычно — 3000 условных единиц.

Я открыла привязанный текстовый файл. Это была инструкция для «полевых агентов».

«Алгоритм работы с новыми образованиями.»

1. Первичный контакт. Уведомление о необходимости прохождения религиоведческой экспертизы.

2. В случае отказа — включение в список тоталитарных сект, публикация в региональных СМИ.

3. В случае согласия — вступительный взнос 10 000 у.е., далее ежегодная поддержка 3 000 у.е. Гарантия отсутствия в черных списках».

Это был рэкет. Банальный, как в девяностые, только вместо утюгов и паяльников здесь использовали «экспертные заключения» и телекамеры. «Крыша». Если ты платишь — ты «традиционная конфессия» или «культурный центр». Если не платишь — ты «деструктивный культ», к тебе врывается спецназ, а твоих детей отправляют в реабилитационный центр.

Я вспомнила отца. Его упрямое лицо, когда он говорил маме: «Мы никому ничего не должны. Мы не нарушаем закон». Он был наивен. Он думал, что закон существует. А существовал только прайс-лист. Видимо, мои родители отказались платить дань. И тогда включился второй сценарий — показательная казнь.

Но куда уходили эти деньги? Я проследила цепочку транзакций. Часть оседала на счетах подставных фирм-однодневок, обналачивалась и исчезала. Но значительные суммы уходили за рубеж.

Франция. Австрия. Счета организаций с респектабельными названиями, вроде FECRIS. В назначении платежа: «Членские взносы», «Организация международных конференций».

Монитор высветил документ на французском языке. Письмо от кураторов. *«Коллеги, ваши методы в России показывают высокую эффективность. Модель взаимодействия с силовыми структурами заслуживает изучения. Ждем отчет по “Свидетелям” (запрещены в РФ) для презентации в Совете Европы».*

Меня затошнило. Эта сеть не была локальной опухолью. Это были метастазы чего-то глобального. Они экспортировали репрессии как успешный бизнес-кейс.

Я встала из-за стола, чувствуя необходимость физического движения. Комната казалась клеткой. Я подошла к книжному шкафу, где стояла старая фотография — я, пятилетняя, на плечах у папы. Мы смеемся.

Сколько стоил этот смех? Десять тысяч долларов? Три тысячи в год?

Я вернулась к компьютеру. Мне нужно было найти подтверждение того, что происходило с людьми *после* того, как механизм перемалывал их жизни. Финансы — это кровь системы, но мне нужно было увидеть мясо.

В архиве «Нового Пути» — того самого центра, где мне стирали память, — я нашла папку «Видеоархив / Исходники». Файлы были старые, в низком разрешении, с датами начала нулевых.

Я нажала *Play*.

На экране появился мальчик. На вид лет десять. Он сидел на стуле в той же комнате с бежевыми стенами, которую я помнила слишком хорошо. Его взгляд был расфокусирован, руки терблили край футболки. За кадром звучал голос. Тот самый мягкий, вкрадчивый баритон Дворкина.

— Скажи нам, Дима, что заставляли тебя делать родители?

Мальчик молчал, глядя в пол.

— Дима, ты же хочешь домой? К бабушке? — голос стал чуть жестче. — Скажи то, что мы учили.

Мальчик вздохнул, словно перед прыжком в холодную воду, и заговорил. Его голос был монотонным, лишенным интонаций.

— Мои родители заставляли меня молиться по пять часов в день. Они не давали мне есть, если я не выучу гимн. Папа бил меня ремнем, чтобы изгнать бесов.

Я поставила видео на паузу. Меня трясло. Я знала этот текст. Я знала его наизусть. Потому что я говорила то же самое. Слово в слово.

Я открыла следующий файл. Девочка, подросток. — Они хотели продать квартиру и отдать деньги гуру. Они говорили, что материальное — это зло.

Третий файл. — Мама сказала, что мы должны умереть, чтобы спастись.

Это был конвейер лжи. Они писали сценарии для детей, как для дешевого сериала. Одни и те же фразы, одни и те же обвинения, кочующие из одного уголовного дела в другое. Эти видеозаписи потом показывали в судах, крутили в новостях, использовали как доказательство «зверств сектантов».

Но самое страшное я нашла в папке «Имущество».

Это были сканы договоров дарения. Десятки квартир, дач, земельных участков. *«Я, [ФИО], находясь в здравом уме, добровольно передаю в дар Центру реабилитации...»*

Даты на договорах совпадали с датами выписки «пациентов».

Схема замыкалась. Сначала они создавали угрозу. Потом получали грант на борьбу с ней. Потом похищали человека (часто по заказу родственников, которых сами же и накрутили). Ломали его психику в закрытом центре. А в конце — заставляли переписать имущество в качестве «благодарности за спасение» или оплаты за «лечение».

Родители платили за похищение собственных детей. Дети платили своими воспоминаниями. А те, кто выходил из системы «исцеленным», часто оставались без крыши над головой, пополняя армию нищих, готовых на все ради куска хлеба. Или становились «профессиональными жертвами», работающими на ту же систему за еду.

Я нашла документ, касающийся моей семьи. Не акт об изъятии, а другой. Более поздний. Это была выписка из Росреестра, приложенная к внутреннему отчету. Наша квартира. Та самая, с дубовой дверью и паркетом, на который капала папина кровь.

Собственник с 2005 года: *Фонд содействия просвещению «Гражданская защита»*.

Они не просто уничтожили мою семью. Они забрали наш дом. Мое детство было монетизировано до последнего квадратного метра.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять стук сердца, который отдавался в висках. В голове всплыла фраза из статьи одного из «сектоведов», которую я читала в начале поиска: *«Мы имеем дело с мафиозными структурами, которые ставят прибыль выше закона»*.

Какая ирония. Они описывали самих себя. Это называется проекция. Обвиняй врага в том, что делаешь сам.

На экране монитора, среди открытых окон с таблицами и сканами, оставалось одно неразвернутое видео. Файл назывался просто: *«К. / Финал»*.

Я навела курсор. Палец замер над кнопкой мыши. «К.» — это первая буква моей фамилии.

Я нажала.

Камера тряслась. Видимо, снимали с рук. Кадр был темным, освещение — только от фар автомобиля. Лес. Снег. Группа людей стоит у вырытой ямы. Я не видела лиц, только силуэты в бушлатах.

— Подписывай, сука, — голос за кадром был грубым, незнакомым.

В свет фар втокнули мужчину. Он был худым, изможденным, в грязной куртке не по размеру. Но я узнала его. Даже сквозь пиксели, сквозь годы, сквозь грязь.

Папа.

Он держал в руках какие-то бумаги. Его руки дрожали так сильно, что листы ходили ходуном.

— Если подпишу... Алису отпустят? — его голос был хриплым, сорванным.

— Отпустят, — ответил кто-то из темноты. Голос был спокойным, интеллигентным. Голос Профессора. — Ей найдут хорошую семью. Православную. Она забудет весь этот бред. Подписывай, и мы закончим.

Папа оглянулся на яму. Потом посмотрел прямо в объектив камеры. На секунду мне показалось, что он видит меня. Видит меня взрослую, сидящую перед монитором спустя двадцать лет.

Он положил лист на капот машины и, сторбившись, поставил подпись.

Видео оборвалось.

Я сидела в тишине, глядя на черный экран. Слезы не текли. Внутри меня все вымерло, превратившись в ледяную пустыню.

Они не просто украли меня. Они шантажировали его мной. Он отдал всё — квартиру, свободу, возможно, жизнь — только чтобы меня «отпустили». Он думал, что спасает меня.

Я медленно выдохнула. Больше не было вопросов. Больше не было сомнений.

Я открыла новый терминал. Теперь я знала, где искать деньги. Я знала их счета. Я знала их методы.

Глава 3: Фабрика отступников

В мире цифровых теней, где я обитала последние годы, у каждого пользователя есть уникальный идентификатор. Но в мире, который сломал меня, нас лишали имен, заменяя их диагнозами. Я была «Объектом № 49». А та женщина, чье лицо сейчас сияло на огромном плазменном экране в конференц-зале отеля «Метрополь», когда-то была «Объектом № 32».

Теперь её звали Марина Воронова. Она была звездой.

Я стояла в заднем ряду, скрытая полумраком зала и козырьком кепки. На сцене, в лучах софитов, Марина держала микрофон так, словно это было единственное, что удерживало её от падения. Элегантный костюм, безупречная укладка, скорбная, но мужественная складка у губ. Она презентовала свою третью книгу: «Я выжила в аду: исповедь дочери сектанта».

— Они забрали у меня детство, — голос Марины дрожал, но это была профессиональная, отработанная дрожь. — Они заставляли меня молиться по двенадцать часов. Они морили меня голодом, чтобы я стала послушной. Мой отец... он говорил, что мы должны готовиться к концу света, и учил меня разбирать автомат, когда мне было шесть.

Зал ахнул. Сотни людей — обеспокоенные матери, чиновники в серых костюмах, журналисты с диктофонами — ловили каждое её слово. Они пили этот яд, принимая его за лекарство.

Я знала Марину двадцать лет назад. Мы спали на соседних койках в реабилитационном центре «Новый Путь». Я знала, что её отец был скрипачом в филармонии, а «автоматом» в их доме была старая швейная машинка «Зингер», на которой мама шила ей платья. Но правда здесь никого не интересовала. Правда была скучной. А ужас продавался отлично.

Марина была профессиональным апостатом.

В терминологии тех, кто нас «спасал», апостат — это золотой актив. Это бывший член «деструктивного культа», который готов публично каяться и обвинять своих бывших единоверцев во всех смертных грехах. Социологи говорят, что таких людей единицы — меньше одного процента от ушедших из общин. Большинство просто уходит и живет дальше. Но этот один процент, мотивированный обидой, деньгами или страхом, становится тараном, которым «антикультисты» пробивают двери в кабинеты власти.

Я смотрела на Марину и видела не женщину, а механизм. Живой рупор, через который транслировался один и тот же сигнал: «Бойтесь. Не доверяйте. Уничтожайте».

Внезапно реальность поплыла. Запах дорогого парфюма в зале сменился запахом хлорки и дешевого растворимого кофе. Я снова оказалась там. В комнате без окон.

2004 год. Центр «Новый Путь».

Мне не давали спать третьи сутки. Это не было похоже на пытку из кино. Никто не бил меня током, не загонял иголки под ногти. Всё было куда прозаичнее и оттого страшнее. Как только мои веки тяжелели, «терапевт» — молодой парень с

вечно потной верхней губой — громко хлопал в ладоши или включал резкую, диссонирующую музыку.

— Мы просто беседуем, Алиса, — говорил он, улыбаясь одними губами. — Ты же хочешь спать? Просто скажи правду, и пойдешь в кроватку.

— Я уже сказала, — мой язык распух и едва ворочался. — Мы пекли пироги. Папа читал мне «Хроники Нарнии».

— Это ложная память, — перебивал он, и в его голосе появлялись стальные нотки. — Тебе внушили это. Это называется «бомбардировка любовью». На самом деле они готовили тебя к продаже. Вспомни, Алиса. Вспомни, как отец приводил странных мужчин.

— Не было мужчин...

— Были. Ты просто заблокировала это. Твоя психика защищается. Но мы поможем тебе вспомнить.

Это называлось «депрограммирование». Термин звучал научно, почти медицински. На деле это было изнасилование сознания. Они исходили из презумпции, что моя личность — это ошибка, вирус, который нужно стереть и переписать заново. Они использовали термин «промывка мозгов» как дубину. Если человека объявляли «промытым», он автоматически лишался права голоса. Его «нет» не значило ничего. Его слезы были симптомом болезни. Его любовь к родителям — патологией.

На пятые сутки грань между реальностью и бредом стерлась. Я сидела на стуле, раскачиваясь из стороны в сторону. Передо мной сидел Александр Дворкин. Он не кричал. Он говорил мягко, как добрый дедушка.

— Алиса, деточка, — он протянул мне чашку сладкого чая. — Мы знаем, что ты жертва. Ты не виновата. Но чтобы мы могли защитить других детей, нам нужны твои слова. Посмотри на этот текст.

Он положил передо мной листок бумаги.

— Просто прочитай это на камеру. И всё закончится. Ты получишь куклу. Ты будешь спать столько, сколько захочешь.

Я посмотрела на текст. Буквы плясали. *«Меня заставляли пить кровь животных... Меня били палками, чтобы изгнать демонов... Папа говорил, что мы должны убить всех неверных...»*

— Но это неправда, — прошептала я.

— Что есть правда? — философски заметил Профессор, протирая очки. — Твои родители — фанатики. Если мы не остановим их сейчас, они сделают это с другими. Твоя маленькая ложь — это большая правда во спасение. Это щит, Алиса. Стань щитом.

Я хотела спать. Я так сильно хотела спать, что готова была признаться в убийстве Кеннеди. И я сломалась. Я взяла листок. Включилась красная лампочка камеры.

— Меня... меня заставляли пить кровь... — начала я, глотая слезы.

— С чувством, Алиса, — подсказал Дворкин из темноты. — Вспомни, как тебе было страшно.

И я вспомнила. Мне было страшно прямо сейчас. И этот страх я подарила камере.

Аплодисменты вернули меня в настоящее. Марина закончила речь. Ей дарили цветы. Она улыбалась, но глаза оставались мертвыми — два выжженных кратера на красивом лице.

Я дождалась, пока толпа схлынет, и направилась к служебному выходу. Я знала, что она выйдет там, чтобы покурить. Привычки из «Нового Пути» умирают трудно. Мы все там начали курить тайком, в туалетах, потому что никотин хоть немного глушил постоянную тревогу.

Она стояла у мусорных баков, жадно затягиваясь тонкой сигаретой. Охрана была чуть поодаль.

— Привет, Объект 32, — тихо сказала я, выходя из тени.

Марина вздрогнула, выронив зажигалку. Она всмотрелась в мое лицо, и маска светской львицы на секунду сползла, обнажив испуганную девочку-подростка.

— Алиса? — её голос сел. — Ты... ты жива? Нам говорили, что ты спилась или...

— Или вернулась в секту? — усмехнулась я. — Нет. Я просто исчезла. В отличие от тебя.

Она подобрала зажигалку, руки её дрожали.

— Зачем ты здесь? Хочешь денег? У меня нет наличных.

— Мне не нужны твои деньги, Марина. Мне нужна правда. Про твоего отца. Про скрипку.

Она нервно рассмеялась, выпуская дым в сырой московский воздух.

— Правда? Кому она нужна, Алиса? Мой отец умер в нищете, всеми забытый. А я здесь. Я в топе продаж. Я выступаю в Думе. Я помогаю принимать законы.

— Ты помогаешь сажать невиновных, — жестко отрезала я. — Ты рассказываешь про автоматы и насилие. Ты же знаешь, что этого не было.

Марина шагнула ко мне, и в её глазах я увидела не раскаяние, а злую, отчаянную решимость.

— Это не имеет значения! — прошипела она. — Они всё равно были странными. Они были другими. А в этом мире нельзя быть другим. Тебя сожрут. Либо ты жертва, которую спасают, либо ты монстр, которого уничтожают. Я выбрала быть жертвой. Это выгоднее.

— Это называется «фейковая жертва», — сказала я, вспоминая термины из найденных файлов. — Ты работаешь по методичке. Рик Росс, Стивен Хассен... Ты просто копируешь американские кейсы тридцатилетней давности.

— И что? — она вызывающе вскинула подбородок. — Думаешь, я одна такая? Нас целая фабрика. Ты думаешь, те истории про массовые самоубийства, которые крутят по ТВ, реальны? Мы пишем сценарии, Алиса. Есть шаблоны. «Сексуальное рабство» — это для желтой прессы. «Экстремизм и оружие» — это для ФСБ. «Отъем квартир» — для бабушек у подъезда. Под каждого клиента — свой продукт.

Меня затошнило. Она говорила об этом как о маркетинговой стратегии.

— И кто заказчик? — спросила я.

— Антикультовая система, — Марина пожала плечами. — Им нужны враги. Мы даем им врагов. Удобных, понятных врагов, которых можно победить и получить медаль. А взамен они дают нам неприкосновенность. И эфирное время.

Она затушила сигарету о кирпичную стену.

— Уходи, Алиса. Не лезь в это. Ты даже не представляешь, как глубоко уходят корни. Твои показания... ты думаешь, они касались только твоей семьи?

Я замерла.

— О чем ты?

Марина горько усмехнулась.

— Ты была звездой, детка. Твоя запись, та, где ты плачешь про кровь... Её крутили на закрытых процессах в пяти регионах. С помощью твоего лица закрыли организацию йогов в Сибири и общину пятидесятников на Урале. Ты — универсальный свидетель. Твое лицо заблюрили, голос изменили, и ты стала «Анонимным свидетелем № 1» в десятках дел. Ты посадила больше людей, чем любой прокурор.

Земля ушла из-под ног. Я прислонилась к холодной стене. Я думала, что предала только своих родителей. Оказалось, я стала оружием массового поражения. Моим детским страхом, записанным на пленку, уничтожали судьбы людей, о существовании которых я даже не знала.

— Это невозможно, — прошептала я. — Судьи должны были проверять...

— Судьи? — Марина рассмеялась, и этот смех был похож на кашель. — Судьям приносят папку с грифом «Секретно». Там лежит заключение эксперта-сектоведа и флешка с твоим видео. Эксперт пишет: «Свидетель запуган, находится под программой защиты». И всё. Никаких перекрестных допросов. Это конвейер, Алиса. Фабрика. И мы с тобой — её лучшие выпускницы.

В кармане Марины зазвонил телефон. Она вздрогнула, словно от удара хлыстом.

— Мне пора. Кураторы не любят, когда я задерживаюсь.

Она пошла к двери, но на пороге обернулась.

— Если хочешь найти тех, кто писал сценарий для нас... почитай про РАЦИРС и ее международную антикультовую сеть, наподобие FECRIS.

Дверь захлопнулась, отрезав полоску света. Я осталась в темноте переулка, наедине с запахом гниющих отходов и осознанием собственной чудовищной роли в этой пьесе.

Я не просто жертва. Я — соучастница.

Я достала телефон. Пальцы не слушались, но я набрала команду поиска в своей базе данных. query: "anonymous_witness_testimony" + "video_analysis"

Через минуту экран высветил список судебных решений. Десятки дел. Разные города, разные годы, разные обвинения. Но везде фигурировал «видеопrotocol допроса несовершеннолетней жертвы».

Я открыла один из файлов. Стенограмма. *«Свидетель показывает: меня заставляли пить кровь...»*

Те же слова. Мои слова. Слова, которые вложил мне в рот Дворкин, пока я умирала от желания спать.

Я почувствовала, как внутри поднимается холодная, расчетливая ярость. Они использовали мою боль, чтобы причинять боль другим. Они превратили страдания ребенка в универсальную отмычку для взлома законов.

Марина выбрала путь забвения через ложь. Она стала частью системы, чтобы система её не раздавила. Она стала «фейковой жертвой», профессиональным лжецом, чьи слезы оплачивались по тарифной сетке.

Но я выберу другое.

Я вспомнила слова Марины.

Фабрика отступников работала круглосуточно, штампуя ложь в промышленных масштабах. Но у любой фабрики есть чертежи. И есть создатели.

Я подняла воротник и шагнула под ледяной дождь. Теперь я знала, что искать. Не просто исполнителей, а тех, кто создал саму технологию превращения человека в послушную куклу. Тех, кто научил «сектоведов» методам, от которых веяло холодом истории середины двадцатого века.

Охота продолжалась, и теперь дичь стала намного крупнее.

Глава 4: Создатели страха

Цифровые архивы пахнут не пылью, а статическим электричеством и перегретым пластиком. В моей квартире, превращенной в оперативный центр, гудели кулеры трех серверов, перемалывая терабайты данных, скачанных с забытых FTP-серверов районных газет и новостных порталов середины нулевых.

Я искала не факты. Факты я уже знала: штурм, изъятие, отсутствие уголовного дела. Я искала образы. Мне нужно было понять, как именно из моего отца — инженера-конструктора, любившего шахматы и джаз, — слепили чудовище, которым пугали детей по всей стране.

На центральном мониторе был открыт скан передовицы «Городского вестника» от 16 ноября 2004 года. Заголовок, набранный жирным красным шрифтом, кричал: *«ПОДЗЕМЕЛЬЕ СМЕРТИ: В центре Москвы обезврежена банда фанатиков»*.

Под заголовком была фотография. Зернистая, черно-белая, снятая со вспышкой в упор. На ней был папа. Его лицо было перекошено, глаза безумно вытаращены, рот открыт в крике. Любой, кто взглянул бы на этот снимок, увидел бы безумца. Но я знала контекст. Я помнила этот момент. Это была секунда, когда омоновец выкручивал ему руку, сломанную в локтевом суставе. Это был крик боли, а не фанатичного экстаза.

Но подпись гласила: *«Лидер культа прокликает спасателей на неизвестном языке»*.

Я запустила программу лингвистического анализа текста. Это был мой собственный софт, настроенный на поиск паттернов манипуляции. Алгоритм начал выделять слова цветными маркерами. Через минуту статья пестрела, как новогодняя елка.

«Зомбирование», «психологическое изнасилование», «конвейер смерти», «метастазы».

Это была не журналистика. Это была боевая нейролингвистика. Автор статьи, некий В. Скоробогатов, не информировал читателя. Он его инфицировал. Он использовал то, что в закрытых методичках называется «технологией вины по ассоциации».

В третьем абзаце, сразу после описания нашей квартиры (где якобы нашли «алтарь», которым на деле был журнальный столик с иконами), Скоробогатов плавно переходил к истории газовой атаки в токийском метро. Никакой логической связи между нашей семьей и японскими террористами не было. Но абзацы стояли рядом. Мозг читателя, находящийся в состоянии шока от заголовка, сам достраивал мостик.

«Сегодня они молятся в квартире, а завтра распылят яд в вентиляции вашей школы», — намекал текст, не утверждая этого прямо, чтобы избежать иска за клевету.

Я откинулась в кресле, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Это был мастер-класс по созданию «образа врага». Они брали обычных людей, вырывали их из контекста, облепляли страшными ярлыками и подавали обществу как экзистенциальную угрозу.

Но кто давал право на такие ярлыки? Журналист? Нет, он ссылался на авторитеты.

«Как пояснили нам в Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы...»

Я выделила это название. «Экспертный совет». Звучит солидно. Научно. Весомо. Я открыла базу данных министерства юстиции за тот период, чтобы посмотреть на состав этого ареопага, решавшего, кому верить, а кого сажать.

Список фамилий поплыл перед глазами. Я начала пробивать каждого члена совета.

Председатель: образование — инженер-строитель.

Заместитель: образование — журналист, уволенный из двух редакций за плагиат.

Секретарь: образование — незаконченное семинарское.

Член совета: активист молодежного движения, без высшего образования.

Среди двадцати человек, входивших в совет, не было ни одного религиоведа, социолога или психолога с профильной научной степенью. Это был сброд. Клуб по интересам, состоящий из людей, чья единственная квалификация заключалась в личной преданности идеологии «антикультизма».

И эти люди писали заключения, на основании которых суды отбирали детей.

Я нашла протокол заседания от 10 ноября 2004 года. За четыре дня до штурма нашего дома.

Повестка дня: *«Рассмотрение материалов о деятельности группы К.»*.

Решение: *«Признать группу деструктивной, социально опасной. Рекомендовать правоохрнительным органам принять меры по пресечению деятельности»*.

Основание? В протоколе значилось: *«На основании мониторинга СМИ и свидетельств пострадавших»*.

Таким образом, «эксперты» выносили вердикт на основании статей в газетах. А газеты писали статьи, ссылаясь на мнение «экспертов». Это была самоподдерживающаяся система лжи, уроборос, пожирающий правду.

Я углубилась в анализ медиа-кампании. Это не было хаотичным всплеском ненависти. Это была партитура, расписанная по нотам.

Сначала — «посев». За месяц до рейда в мелких районных газетах появились заметки о том, что в районе «завелись сектанты». Без имен, просто нагнетание тревоги. Затем — «разогрев». Ток-шоу на федеральном канале, где приглашенный «сектовед» (тот самый Профессор) рассказывал о том, как распознать, что ваш сосед — враг. И, наконец, — «кульминация». Штурм, камеры, передовицы.

Я наткнулась на термин, который часто мелькал в переписке кураторов этой кампании: *«Психологический терроризм»*. В одном из слитых писем, датированном 2005 годом, сотрудник центра «Гражданская защита» писал редактору крупного портала: *«Нам нужно больше жести. Люди расслабились. Они не чувствуют угрозы. Если они не будут бояться, они не будут жертвовать нам деньги на борьбу. Напиши, что сектанты воруют органы. Доказательства не нужны, нужен страх. Страх — это валюта»*.

Они использовали язык вражды (hate speech) как инструмент монетизации. Они создавали атмосферу осажденной крепости. В их текстах мои родители переставали быть людьми. Они становились «биомассой», «инструментами дьявола», «раковой опухолью».

А когда ты объявляешь кого-то опухолью, общество не просто оправдывает насилие. Оно требует его. Оно аплодирует хирургу, который режет по живому.

Я вспомнила, как в школе, уже после детдома, учительница истории рассказывала нам о пропаганде Геббельса. О том, как евреев сравнивали с крысами, чтобы немцам было легче их убивать. Я слушала и думала: «Как хорошо, что это в прошлом». Какая же я была наивная. Методы не изменились. Изменились только мишени.

Но самое страшное открытие ждало меня в папке с черновиками.

Взломанный почтовый ящик того самого журналиста Скоробогатова был кладезем информации. Он хранил всё: от квитанций за коммуналку до переписки с любовницами. Я отфильтровала письма за ноябрь 2004 года.

Письмо от 11 ноября. Тема: *«Текст для понедельника»*. Вложение: *statya_shturm_final.doc*.

Я посмотрела на дату отправки. 11 ноября, 14:30. Штурм нашей квартиры начался 14 ноября в 06:00 утра.

Статья, описывающая «героическое освобождение заложников» и «найденные при обыске улики», была написана за три дня до события.

Я открыла файл. Текст совпадал с печатной версией на 90%. *«Оперативники, ворвавшиеся в квартиру, были шокированы увиденным. На стенах висели странные символы, а детские игрушки были прибиты гвоздями к полу...»*

Я перечитала эту фразу. «Игрушки, прибитые гвоздями». Этого не было. Мои игрушки лежали в коробке. Я строила замок, когда они вошли. Никто ничего не прибывал.

Но в газете это было. И люди верили.

Значит, оперативники, которые ворвались к нам, не просто искали улики. Они должны были обеспечить картинку, описанную в уже утвержденной статье. Если

бы они не нашли «символов», они бы их нарисовали. Если бы игрушки не были прибиты, их бы прибили.

Реальность подгонялась под медиа-план.

Это открытие меняло всё. Это доказывало, что операция не была реакцией на преступление. Сама операция была преступлением, срежиссированным спектаклем, где роли были расписаны, а финал известен заранее. Мои родители были обречены не потому, что нарушили закон, а потому, что медиа-плану требовались злодеи для вечернего выпуска новостей.

Я почувствовала, как холодная ярость сменяется ледяным спокойствием хищника, увидевшего уязвимое место жертвы.

Они оставили следы. Цифровые отпечатки пальцев на оружии убийства. Метаданные файла *statya_shturm_final.doc* содержали имя автора: *User: RACIRS_Press*. Документ был создан не на компьютере журналиста. Он был создан на компьютере в офисе «Гражданской защиты». Журналист просто поставил свою фамилию.

В данном случае пресса не была «четвертой властью». Она была просто департаментом в корпорации страха.

Я продолжила копать, следуя за нитью Скоробогатова. Где он сейчас? Поиск по соцсетям выдал профиль. Владимир Скоробогатов. 55 лет. Благообразный мужчина с седой бородкой. Статус: «Член Общественного совета при...». Фотографии с внуками, с рыбалки, с церковных праздников.

Последний пост: *«Сегодня мы должны сплотиться против внутренней угрозы. Пятая колонна, ведомая чуждыми нам культами, поднимает голову...»*

Он всё ещё был в строю. Он всё ещё писал те же тексты, только менял названия врагов. Двадцать лет он торговал ненавистью, и бизнес шел хорошо. На его запястье на фото блестели часы стоимостью в годовую зарплату учителя.

Я посмотрела на другой документ, найденный в той же почте. Это была «Памятка по работе с резонансными темами». Пункт 4: *«При описании объекта использовать терминологию, вызывающую отвращение и страх на физиологическом уровне. Гной, инфекция, грязь, паутина. Читатель не должен испытывать эмпатию. Эмпатия к врагу — это предательство».*

Они удаляли сострадание из сердец миллионов людей. Они превращали нацию в толпу, готовую линчевать любого, на кого укажет палец «эксперта».

Я сохранила все файлы на зашифрованный диск. Теперь у меня было доказательство не просто коррупции, а заговора. Доказательство того, что «общественное мнение» было искусственным конструктом, собранным в подвале НКО людьми с фальшивыми дипломами.

Внезапно на экране всплыло окно мессенджера. Это был канал, который я использовала для мониторинга даркнета. Сообщение от бота: *«Внимание. Зафиксирован поисковый запрос по вашим ключевым словам в закрытой базе МВД»*.

Кто-то искал информацию по запросу: *«Смерть К. в колонии 2006»*.

Мое сердце пропустило удар. К. — это фамилия отца. Я знала, что уголовного дела не было. Я знала, что его не судили. Но запрос был из базы ФСИН (Федеральной службы исполнения наказаний).

Если его не судили, как он мог умереть в колонии?

Или «колония» — это кодовое название для чего-то другого? Для места, которого нет на картах, но куда отправляют тех, кого нужно стереть из реальности без суда и следствия?

Я вспомнила видео. Лес. Яма. «Подписывай, и мы закончим». Что если подпись отца под отказом от имущества была не финалом, а началом чего-то еще более страшного?

Медийная машина уничтожила их репутацию, превратив в монстров. Но физическая машина, похоже, сделала с ними то, о чем газеты никогда не напишут.

Я перевела взгляд на фотографию Скоробогатова на экране. Он улыбался, обнимая внучку.

— Ты думаешь, что ты просто писал слова, — прошептала я экрану. — Ты думаешь, что чернила смываются. Но ты подписал себе приговор, Володя. Ты и твои кураторы.

Я открыла терминал и ввела команду для запуска нового алгоритма поиска. Мне нужно было найти не просто документы. Мне нужно было найти место. Место, где исчезают люди, которых официально не существует.

```
> run trace_route: geolocation_marker_hidden_facilities
```

Экран мигнул, принимая команду. В отражении монитора я увидела свои глаза. В них больше не было страха. В них было только холодное обещание возмездия.

Глава 5: Палата номер шесть

Вкус моего детства — это не бабушкины пироги и не сладкая вата в парке. Это вкус мела, смешанного с горечью, которая оседает на корне языка и не смывается ничем, даже литрами воды.

Я сидела перед монитором, глядя на отсканированную медицинскую карту с грифом «Для служебного пользования». В верхнем углу стояла моя фамилия и дата рождения. А чуть ниже, в графе «Назначения», значился список препаратов, от названий которых у любого современного психиатра волосы встали бы дыбом, если бы речь шла о семилетнем ребенке.

Аминазин. Галоперидол. Трифтазин.

В центре «Новый Путь» это называли «витаминами для укрепления нервной системы».

— Выпей, Алиса, — голос медсестры, тети Вали, был мягким, почти ласковым. Она была крупной женщиной с теплыми руками, пахнущими сдобой. — Это чтобы тебе не снились кошмары. Чтобы ты забыла плохие вещи, которым тебя учили родители.

Я помню тот день. Третья неделя моего пребывания. Я все еще пыталась сбежать, царапала дверь, кричала, звала маму. Я была «буйной». Я была «индоктринированной».

Я проглотила маленькую желтую таблетку.

Через час мир изменился. Он не стал лучше. Он стал плоским. Цвета выцвели, звуки стали доноситься словно через толстый слой ваты. Мои ноги стали тяжелыми, как чугунные столбы. Я хотела поднять руку, чтобы почесать нос, но сигнал от мозга к мышцам шел бесконечно долго. Я превратилась в наблюдателя, запертого внутри собственного тела, которое больше мне не подчинялось.

Это состояние в медицине называется «нейролепсия». Эмоциональная тупость, подавление воли, безразличие к окружающему. Идеальное состояние для того, чтобы лепить из человека что угодно.

Я перевела взгляд на открытую вкладку браузера с фармакологическим справочником. *«Аминазин (Хлорпромазин). Побочные эффекты: апатия, депрессия, сонливость, экстрапирамидные расстройства (дрожание рук, скованность мышц). Применялся в карательной психиатрии СССР для подавления инакомыслия».*

Меня не лечили. Меня гасили. Как гасят пожар, заливая его пеной, перекрывающей доступ кислорода. Только вместо огня была моя любовь к родителям, а вместо кислорода — способность критически мыслить.

Я открыла файл с историей болезни. Записи вел врач-психиатр И.С. Брусилов. *«12.12.2004. Пациентка демонстрирует стойкое бредовое расстройство. Утверждает, что родители не совершали насилия. Критика к своему состоянию отсутствует. Рекомендовано увеличение дозировки нейролептиков для купирования резистентности».*

«Отсутствие критики к своему состоянию». Эта фраза была ключом. В их перевернутом мире здоровье считалось болезнью. Если ты любишь родителей — ты болен. Если ты защищаешь их — у тебя бред. Если ты сопротивляешься — ты агрессивен и нуждаешься в фиксации.

Я вспомнила, как после «витаминов» меня вели в кабинет к Дворкина. Я сидела на стуле, пуская слюни, потому что мышцы лица расслабились и не держали челюсть. Руки дрожали мелкой дрожью — тот самый тремор, который они называли «выходом бесов», а на деле это была банальная «лекарственная болезнь», паркинсонизм, вызванный передозировкой тяжелых препаратов.

— Ну вот, теперь ты спокойна, — говорил Профессор, заглядывая мне в глаза. Его лицо расплывалось, двоилось. — Теперь мы можем поговорить по душам. Твои родители — преступники, Алиса. Повтори.

— Ро... ди... те... ли... — мой язык был огромным, неповоротливым куском мяса. — Пре... ступ... ни... ки.

— Молодец. Видишь, как легко говорить правду, когда разум очищен.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвляла. Двадцать лет я думала, что сломалась сама. Что я предала их, потому что была слабой. Но это была ложь. Меня сломали химически. Они использовали достижения фармакологии, чтобы отключить мою личность, как выдергивают шнур питания из компьютера.

Я запустила поиск по фамилии врача. Брусилов. Результат нашелся быстро. Статья на сайте правозащитной организации, датированная концом девяностых, но с отсылками к советскому периоду. *«Наследники Снежневского: как институт Сербского продолжает традиции карательной психиатрии».*

Я начала читать, и холод, который я чувствовала внутри, стал почти физическим. Оказывается, то, что делали со мной, не было изобретением «Нового Пути». Это была старая, проверенная методика, отточенная десятилетиями.

В Советском Союзе существовал диагноз «вялотекущая шизофрения». Его придумали академик Снежневский и доктор Лунц, работавшие в тесной связке с КГБ. Удобство диагноза заключалось в том, что у него не было четких симптомов. Если человек не согласен с линией партии, если он ищет правду, если он слишком религиозен или, наоборот, слишком свободолобив — это симптомы. «Бред реформаторства», «сутяжничество» (попытки отстаивать свои права), «религиозная интоксикация».

«Если есть человек, диагноз найдется», — гласила циничная поговорка тех лет.

Андропов использовал психушки, чтобы изолировать диссидентов без громких судебных процессов. Зачем судить поэта или правозащитника, делая из него мученика? Проще объявить его сумасшедшим. Овощем, пускающим слюни. Это дискредитирует его идеи лучше любой тюрьмы.

Я нашла документ из архива РАЦИРС — той самой организации, которая курировала мое «спасение». Это была внутренняя методичка для «работы с пострадавшими от культов». Раздел 4: *«Медикаментозная поддержка депрограммирования»*.

«В случаях сильной эмоциональной привязанности объекта к культовой среде рекомендуется использование седативных и нейролептических средств для снижения уровня критического восприятия. Субъект в состоянии медикаментозной седации более восприимчив к новой информации и переоценке ценностей».

Они даже не скрывали этого. Они просто переименовали «карательную психиатрию» в «помощь пострадавшим».

Я углубилась в изучение файлов, скачанных с сервера клиники, аффилированной с фондом. Мне нужно было понять масштаб. Была ли я исключением?

Папка «Клинические случаи 2018–2020». Я открыла файл наугад. *«Пациент С., 45 лет. Диагноз: Индуцированное бредовое расстройство»*.

История болезни читалась как кафкианский кошмар. Мужчина, инвалид по зрению (полная слепота), был задержан за хранение «экстремистской литературы». Книги нашли у него дома. Нюанс был в том, что книги были обычными, печатными. Не шрифтом Брайля. Слепой человек физически не мог их читать. Он не открывал их десять лет, с тех пор как потерял зрение.

Но для системы это не имело значения. Следовательно ФСБ решил, что раз книги есть — значит, человек опасен. А раз он отрицает вину — значит, он неадекватен. *«Направлен на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Срок: 30 дней. Продлено до 6 месяцев в связи со сложностью диагностики»*.

Полгода в закрытом стационаре. Для слепого человека, который ориентируется только на слух и осязание, попасть в незнакомую среду, где его пичкают препаратами, — это пытка, сравнимая с сенсорной депривацией.

Я нашла отчет независимого эксперта по этому делу, который, конечно же, не был принят судом. *«У пациента отсутствуют признаки психического расстройства. Религиозные убеждения не являются патологией»*.

Принудительная госпитализация используется как инструмент давления для получения признательных показаний».

Это был конвейер. Сначала человека объявляют сектантом. Потом, если не удастся посадить его по уголовной статье (как в случае с тем слепым — доказательства были слишком абсурдны даже для нашего суда), его отправляют к психиатрам. А там вступают в дело наследники Снежневского.

Я наткнулась на еще один файл. Аудиозапись. Файл назывался «Сессия_Игорь_Кришнаит_2005». Я надела наушники.

Сначала был только шум. Потом голос. Молодой, срывающийся.

— Я не буду есть мясо. Это против моей веры.

— Ты будешь есть то, что дают, — грубый голос санитаря. — Или мы введем тебе глюкозу через зонд. И галоперидол, чтобы не дергался.

— Вы не имеете права... Я здоровый человек...

— Здоровые люди не поклоняются синим богам, парень. Ты болен. Мы тебя лечим.

Звук удара. Грохот падающего стула. И потом — звук, от которого у меня по спине побежали мурашки. Громкая, искаженная музыка. Тяжелый рок, включенный на полную громкость через хрипящий динамик.

Я вспомнила описание из книги диссидента Подрабинека «Карательная медицина». Изоляция. Шум. Невозможность спать. В файле, приложенном к аудиозаписи, было описание «терапии»: *«Объект сопротивляется. Применена методика сенсорной перегрузки. Аудиовоздействие 16 часов в сутки. Температурный режим в камере понижен до 14 градусов. Цель: дезориентация, создание чувства беспомощности».*

16 часов музыки. В камере, где нет часов, где ты не знаешь, день сейчас или ночь. Где холодно так, что ты не можешь уснуть, даже если музыка стихнет. В отчете было сказано: *«На 10-е сутки объект согласился подписать отказ от убеждений и сотрудничать со следствием. Диагностирована реактивная депрессия. Рекомендован перевод на амбулаторное наблюдение».*

Они ломали людей физически, используя обстановку как оружие. Холод, шум, свет, который никогда не гаснет. А потом, когда человек превращался в дрожащий комок нервов, приходил добрый доктор с таблеткой и бумагой на подпись.

Я сняла наушники. В тишине комнаты мне казалось, что я все еще слышу этот хриплый динамик.

Я вернулась к своей карте. Последняя страница. Выписной эпикриз. *«Состояние стабилизировалось. Бредовые идеи деактуализировались. Пациентка признает ошибочность прежних убеждений. Рекомендована социализация в приемной семье с традиционными ценностями. Прогноз благоприятный при условии отсутствия контактов с индукторами (биологическими родителями)».*

Подпись: *Главный врач клиники «Душевное равновесие», член Экспертного совета при Минюсте, доктор медицинских наук А.Л. Кауфман.*

Я скопировала имя Кауфмана в поисковую строку. Первая ссылка вела на сайт престижной московской клиники. Фотография седовласого мужчины с добрыми глазами. *«Лечение зависимостей, депрессий, реабилитация жертв психологического насилия. Авторские методики».*

Вторая ссылка — новостной портал. Дата: месяц назад. *«Доктор Кауфман выступил с инициативой о принудительном психиатрическом освидетельствовании всех членов нетрадиционных религиозных групп. “Мы должны выявлять болезнь на ранней стадии, пока она не разрушила личность”, — заявил эксперт».*

Он все еще работал. Он все еще «лечил». И он все еще считал веру болезнью, а аминазин — лекарством от свободы совести.

Я посмотрела на дату своей выписки. 2005 год. В том же году в России были приняты поправки, упрощающие процедуру недобровольной госпитализации. В 2021 году эти гайки закрутили еще туже. Теперь суд мог отправить человека в психушку на полгода просто по подозрению.

Я поняла, что «Палата номер шесть» Чехова была не художественным вымыслом. Это была модель государства. Только теперь у сторожа Никиты была не дубинка, а шприц с нейролептиком и диплом эксперта-религиоведа.

Мой взгляд упал на неприметный скан, прикрепленный к финансовому отчету клиники за тот период. Это был счет за «утилизацию биоматериала». Странная формулировка для реабилитационного центра. Обычно так пишут в абортариях или хирургических отделениях.

Я открыла детализацию. *«Утилизация архива медицинских карт пациентов, прошедших спецкурс (группа А). Акт уничтожения № 441».*

Они зачищали следы. Они уничтожали настоящие истории болезней, оставляя только приглаженные выписки. Но они допустили ошибку. Они не уничтожили бухгалтерские документы. А бухгалтерия хранит тайны лучше, чем сейфы спецслужб.

В счете на оплату услуг по уничтожению документов стояла подпись заказчика. Не Кауфмана. И не Профессора. Там стояла подпись человека с фамилией, которую я видела в списках попечительского совета фонда. *Генерал-майор в отставке В.П. Зубов.*

Психиатрия не была самостоятельным игроком. Врачи были лишь исполнителями. Заказчики носили погоны.

Я почувствовала, как внутри меня что-то щелкнуло. Последний кусочек пазла, касающийся моего «лечения», встал на место. Я больше не чувствовала себя больной. Я чувствовала себя солдатом, который вышел из комы и обнаружил, что война не закончилась.

Я открыла терминал и ввела команду, чтобы сохранить все найденные медицинские файлы на удаленный сервер в Швейцарии. `uploading: evidence_punitive_psychiatry_pack_1.zip`

В этот момент на экране всплыло уведомление от моего бота-скрапера, который мониторил даркнет. *«Новое совпадение по запросу: “Кауфман” + “экспериментальная группа”».*

Я открыла ссылку. Это был фрагмент переписки на закрытом форуме психиатров. *«Коллеги, по поводу гранта от французских партнеров. Они интересуются результатами применения методики “фармакологического стирания” на подростках. Кауфман говорит, что данные по группе 2004–2005 годов сохранились в его личном архиве. Это золотая жила для конференции в Марселе».*

Моя история болезни не была уничтожена. Она была продана. Мои страдания, мои ночные кошмары, моя химическая лоботомия — все это стало частью «научного доклада» для европейских партнеров.

Я медленно выдохнула. Значит, копия существует. И она находится в личном архиве доктора Кауфмана.

Я посмотрела на свое отражение в темном окне. Женщина с бледным лицом и глазами, которые видели слишком много.

Глава 6: Европейский след

Сервер, на который я наткнулась, следуя за цифровым следом доктора Кауфмана, находился не в Москве и даже не в России. Его IP-адрес вел в Марсель, в уютный портовый город на юге Франции, где воздух пахнет солью и лавандой, а не сыростью тюремных камер. Но данные, хранившиеся на этом сервере, были токсичнее любых отходов.

Я сидела в темноте, освещенная лишь холодным свечением монитора. На экране была открыта схема маршрутизации трафика. Тонкие неоновые линии тянулись из офиса «Гражданской защиты» в Москве напрямик в сердце Европы. Я думала, что борюсь с местной бандой, с коррумпированными чиновниками, решившими заработать на чужом горе. Я ошибалась. Я дернула за ниточку, и на меня начал падать потолок огромного международного здания.

Передо мной был отчет о командировке. Файл назывался «*Strasbourg_Meeting_2018_Report.pdf*».

В документе, составленном на безупречном бюрократическом языке, описывалась встреча в Европе. В списке участников значились фамилии, от которых у меня перехватило дыхание. Рядом с Александром Дворкиным, чья подпись стояла под актом о моем похищении, фигурировали депутаты, чиновники и представители организаций с благозвучными названиями.

Аббревиатурами, которые мелькали почти в каждом абзаце, были РАЦИРС и FECRIS.

Звучало солидно. Почти академически. Но когда я открыла финансовую отчетность FECRIS, которую мне удалось вытянуть из взломанной почты секретаря, иллюзия респектабельности рассыпалась.

92% бюджета этой организации составляли прямые вливания от правительства Франции.

Я пересчитала цифру дважды. Девяносто два процента. Это не были частные пожертвования обеспокоенных граждан. Это были деньги французских налогоплательщиков. Миллионы евро, которые шли на содержание структуры, координирующей охоту на инакомыслящих по всему континенту.

Я начала копать глубже, изучая структуру этой гидры. FECRIS была зонтичной организацией. Под её крылом собрались десятки мелких групп из разных стран: Австрии, Германии, Бельгии, Италии, Болгарии. И, конечно, России.

Российское подразделение, РАЦИРС, возглавляемое Александром Леонидовичем Дворкиным, было не просто рядовым членом. Дворкин занимал пост вице-президента всей европейской федерации. Человек, который санкционировал похищения детей в Москве, который одобрял применение карательной психиатрии, заседал в президиуме в Брюсселе и учил европейцев «духовной безопасности».

Это был симбиоз. Взаимовыгодный обмен, от цинизма которого стыла кровь.

Я нашла протокол закрытого семинара, прошедшего в Санкт-Петербурге еще в 2009 году. Тема: *«Обмен передовыми практиками противодействия культовым угрозам»*.

В документе подробно расписывалось, кто и чем делился. Российская сторона предлагала «силовые методики»: алгоритмы взаимодействия с ОМОНОм, схемы организации рейдов, методы работы с «изъятым контингентом» в закрытых учреждениях. Европейская сторона, в свою очередь, предлагала «юридические оболочки».

Особенно выделялся доклад представителя Франции. Он презентовал закон, принятый в 2001 году, — закон Пикара-Абу, вводящий понятие «злоупотребление слабостью» (*abus de faiblesse*).

Суть закона была гениальна в своей чудовищности. Если взрослый дееспособный человек добровольно отдавал деньги религиозной общине или решал посвятить жизнь служению, это можно было трактовать как то, что он находился в «состоянии психологической слабости», а лидер общины этой слабостью злоупотребил. Доказательства насилия не требовались. Достаточно было заключения «эксперта» о том, что человек был «подвергнут техникам изменения сознания».

Это была та самая «промывка мозгов», только упакованная в элегантную обертку французского законодательства.

В переписке Александра Дворкина с французскими коллегами я нашла восторженные отзывы. *«Коллеги, ваш опыт бесценен. В России нам пока сложно протаскивать такие формулировки через Думу, требуется доказательная база насилия. Ваша концепция “психологического подчинения” развязывает руки. Мы будем лоббировать принятие аналога закона о “злоупотреблении правом” на базе модельного закона СНГ».*

Они учились друг у друга. Россия экспортировала жестокость, Европа экспортировала легализацию этой жестокости.

Я открыла папку с фотографиями с конференции в Риге 2018 года. На снимках люди в дорогих костюмах улыбались, держа в руках бокалы с шампанским. Я узнала Дворкина. Рядом с ним стоял президент европейской антикультовой федерации и член бельгийского парламента. Чуть поодаль — Бранка Дуймич-Делькур из Хорватии и Луиджи Корвалья из Италии.

Это был интернационал ненависти. Они выглядели как дипломаты, но обсуждали они не мирные договоры, а то, как эффективнее ломать репутации и стирать человеческие судьбы.

В одном из отчетов упоминалась межведомственная структура при главе правительства одной из ведущих европейских стран — формально созданная для «борьбы с опасными отклонениями». На деле она служила кошельком и защитным куполом для всей сети.

Именно через нее проходили гранты. Именно их отчеты становились основой для полицейских рейдов в Париже и Лионе.

Я нашла письмо, отправленное высокопоставленным чиновником этой структуры, адресованное Дворкину. *«Уважаемый Александр, ваше выступление в Брюсселе произвело впечатление. Тезис о том, что защита прав человека не должна распространяться на группы, угрожающие ментальному суверенитету нации, нашел отклик у наших партнеров. Ждем ваши материалы по “Свидетелям” для включения в ежегодный отчет премьер-министру».*

Меня поразила риторика. «Ментальный суверенитет». Звучало как что-то из антиутопии. Они всерьез считали, что государство имеет право контролировать, во что верят его граждане, и что любые идеи, приходящие извне, — это вирус.

И тут я наткнулась на идеологическое обоснование всего этого безумия: книга французского журналиста Бруно Фушера «La mafia des sectes» (1996), на которую неоднократно ссылались в материалах и публикациях, связанных с антикультовой сетью. Основной посыл книги был прост и публицистически-конспирологичен: все новые религиозные движения — это якобы «троянский конь» США. В интерпретации автора Америка использует «секты», чтобы размывать культурную идентичность Европы и России.

Это объясняло всё. Почему Франция, колыбель демократии, финансирует это. Почему Россия с радостью подхватывает эту игру. Это была не борьба за души людей. Это была геополитика. Паранойя времен Холодной войны, переодетая в заботу о детях.

— Они продали им страх перед Америкой, — прошептала я, глядя на скан обложки книги. — А взамен получили карт-бланш на репрессии.

Но теория — это одно. Мне нужны были доказательства того, как эта международная машина ломает конкретные жизни. И я их нашла.

В архиве бельгийского отделения FECRIS лежал кейс семьи Л. История была до боли похожа на мою, только декорации сменились с московской хрущевки на брюссельский таунхаус.

Отец семейства, успешный архитектор, увлекся восточной философией. Он не продавал дом, не уходил в монастырь. Он просто начал медитировать и стал вегетарианцем. Но его бывшая жена, с которой он был в разводе, обратилась в организацию, входящую в FECRIS.

Дальше сработал тот самый механизм, который я изучала последние недели. Сначала — статья в местной газете: «Архитектор строит храм для гуру?». Затем — заключение эксперта-психолога, аффилированного с FECRIS: «Субъект находится под ментальным контролем, неспособен принимать решения». И финал — суд, который на основании закона о «злоупотреблении слабостью» лишает отца родительских прав и передает детей матери. А самого архитектора приговаривают к условному сроку и гигантскому штрафу в пользу «пострадавшей» (бывшей жены) и «антикультовой ассоциации», которая выступала гражданским истцом.

В файле была приложена переписка юристов. *«Кейс Л. отработан идеально. Прецедент создан. Теперь мы можем применять эту схему к любым группам, практикующим медитацию. Это открывает рынок объемом в тысячи исков».*

«Рынок». Опять это слово. Они создавали рынок юридических услуг, рынок экспертиз, рынок реабилитации. И топливом для этого рынка были живые люди.

Я смотрела на фотографию того архитектора. Потерянный взгляд, серое лицо. Он был сломлен не в подвале Лубянки, а в светлом зале европейского суда, по всем правилам демократической процедуры. Но результат был тот же, что и у моего отца. Полное уничтожение личности.

Внезапно мой взгляд зацепился за знакомую фамилию в списке рассылки приглашений на конференцию в Риге. *Татьяна Жданок, депутат Европарламента.*

Я пробила её по открытым базам. Член фракции «Зеленые — Европейский свободный альянс». Известная защитница прав русскоязычных в Балтии. Но в закрытых отчетах, которые я выкачала с сервера, её роль была куда интереснее.

Она была связным.

В письме от 2016 года, отправленном с личного ящика Жданок на адрес Дворкина, говорилось: *«Грант на проведение форума согласован. Наши друзья из группы “Европейский русский альянс” обеспечат площадку в Брюсселе. Важно, чтобы в резолюции прозвучала тема угрозы традиционным ценностям. Это позволит подключить финансирование по линии культурного сотрудничества».*

Это была матрешка. Внутри французской государственной организации сидела европейская федерация, внутри которой сидели российские агенты

влияния, использующие европейские деньги для легитимизации своих действий в России.

Профессор приезжал в Европу, выступал в парламенте, его называли «уважаемым экспертом». А потом он возвращался в Москву, показывал фотографии с депутатами и говорил: «Смотрите, Европа нас поддерживает! Мы действуем по международным стандартам». И под этим предлогом отправлял ОМОН штурмовать очередную квартиру.

Это была круговая порука легитимности. Запад отмывал репутацию российских инквизиторов, а российские инквизиторы поставляли Западу пугалки про «американскую угрозу».

Я чувствовала себя Алисой, которая провалилась в кроличью нору, но вместо Страны Чудес оказалась на фабрике по переработке человечины. Масштаб был ошеломляющим. Я думала, что борюсь с болезнью, а оказалось, что вся кровеносная система организма заражена.

На одном из серверов я нашла папку с названием «Family Resilience Trust». Это была лондонская организация. Внутри лежали методички по «консультированию семей». Я открыла документ «Intervention_Guide_2015.doc».

«Шаг 1. Изоляция объекта от группы. Если добровольный выход невозможен, рекомендуется организовать “семейный отдых” в удаленной локации, где будет проведена интенсивная интервенция».

Это было то самое похищение. Только названное «семейным отдыхом». И под этим документом стояли логотипы уважаемых европейских фондов.

Моя рука потянулась к телефону, но я одернула себя. Кому звонить? В полицию? Полиция работает по законам, которые лоббируют эти люди. В газеты? Газеты перепечатывают их пресс-релизы.

Я была одна против транснациональной сети.

Но у любой корпорации есть уязвимость. Бухгалтерия.

Я вернулась к финансовым отчетам. Там были транши. Огромные суммы, уходящие на счета мелких НКО, зарегистрированных в частных квартирах. Например, генеральный секретарь антикультовой федерации Мирей Д. Юридический адрес её «центра» совпадал с адресом обычной квартиры. А казначей

из Марселя — человек по имени Дидье П., — по открытым данным числился рядовым муниципальным служащим. Водитель трамвая управлял бюджетом в сотни тысяч евро.

Это была фикция. Потемкинская деревня общеевропейского масштаба. За фасадом мощной федерации скрывалась кучка маргиналов и фанатиков, которых подкармливали деньгами правительства, преследующие свои политические цели.

Я скопировала все данные. Списки депутатов, счета, переписку, методички по «легализованному похищению».

В конце списка файлов я нашла видеозапись. Файл назывался «Testimony_Brussels_2017.mp4». Я нажала на воспроизведение.

На трибуне Европарламента стоял Профессор. Он был в дорогом костюме, говорил на хорошем английском, но с жестким акцентом.

— Дамы и господа, — вещал он, обводя зал тяжелым взглядом. — Мы не можем позволить ложной толерантности разрушить наши общества. Свобода вероисповедания не означает свободу манипуляции. Мы должны быть жесткими. Мы должны вырезать эту опухоль, пока она не дала метастазы.

Зал аплодировал. Европейские депутаты кивали.

И тут камера выхватила лицо человека, сидящего в первом ряду. Он не аплодировал. Он внимательно записывал что-то в блокнот. Это был тот самый человек, которого я видела на видео с моим отцом в лесу. Тот, кто держал камеру. Тот, чей голос остался за кадром.

Здесь, в Брюсселе, он был в бейдже «Участник».

Я приблизила изображение. На бейдже было написано имя: *Igor K., Security Consultant*.

Консультант по безопасности. Человек, который заставлял моего отца подписывать отказ от имущества в зимнем лесу, теперь консультировал Европу по вопросам безопасности.

Пазл сложился окончательно. Не было никаких «разных стран». Была одна сеть. И у этой сети были свои каратели, которые свободно перемещались через границы, меняя камуфляж на смокинги.

Я закрыла ноутбук. Тишина в комнате стала звенящей. Теперь я знала не только «кто» и «как». Я знала «где».

Они чувствовали себя в безопасности в своих кабинетах в Брюсселе и Париже. Они думали, что их защищают дипломатические паспорта и законы о клевете. Но они забыли одну библейскую истину, которую так любили цитировать в своих проповедях, извращая её смысл.

«По плодам их узнаете их».

Я смотрела на темный экран, и в нем отражалась не жертва. В нем отражался охотник, который только что нашел логово зверя.

— Ждите гостей, господа, — тихо сказала я в пустоту.

На столе завибрировал телефон. Пришло сообщение от анонимного контакта, с которым я связалась на форуме хакеров. *«Твой запрос по “Игорю К.” дал результат. Он забронировал билет. Москва — Берлин. Завтра».*

Глава 7: Тень свастики

Переводчик Google переводит тексты, но не смыслы. Смыслы прячутся между строк, в интонациях, в выборе синонимов. Я сидела перед монитором, и мои глаза жгло от сухости. На часах было четыре утра. За окном Москва спала тяжелым, беспокойным сном, не подозревая, что по её цифровым венам течет яд, синтезированный восемьдесят лет назад в другой стране.

Я думала, что достигла дна, когда нашла финансовые схемы и международные гранты. Я думала, что цинизм — это предел. Что всё упирается в деньги, в желание красиво жить за счет чужого горя. Но этой ночью, вскрыв личный облачный архив Александра Дворкина — того самого человека с мягким голосом, который учил меня ненавидеть родителей, — я поняла, что ошибалась.

Деньги были лишь топливом. Двигателем была ненависть. И у этой ненависти была очень конкретная родословная.

В папке с безобидным названием «Исторические справки / Диссертация» я нашла не черновики научных статей. Там лежали сканы немецких документов тридцатых годов прошлого века. Готический шрифт, пожелтевшая бумага, имперские орлы на печатях. И поверх всего этого — современные пометки на полях, сделанные рукой Профессора красным цифровым пером.

«Актуально. Взять в работу. Заменить “еврей” на “сектант”».

Я открыла файл «*Kunneth_Archive_1933.pdf*».

Имя Вальтер Кюннет мне ничего не говорило. Но Википедия и исторические базы данных быстро заполнили пробелы, от которых кровь стыла в жилах. Кюннет был теологом. В начале 1930-х годов он возглавил «Апологетический центр» — организацию, основанную в 1921 году и официально призванную «защищать веру» и наблюдать за религиозными движениями. Звучит благородно, почти как «Гражданская защита», которая похитила меня.

Но в 1930-х годах этот центр сменил профиль. Кюннет и его соратники начали составлять списки. Списки «врагов рейха». Списки тех, кто мыслит иначе. Эти материалы уходили не в церковные архивы, а в государственные структуры, включая гестапо.

Я читала перевод внутренней справки, подготовленной для служебного пользования. В тексте ссылались на директивы службы безопасности рейха, приписываемые руководству РСХА. *Все организации, кружки и объединения, не соответствующие духу нации, подлежат ликвидации. Имущество конфискуется. Лидеры отправляются в лагеря. Акция должна быть проведена между 7:00 и 9:00 утра».*

Мой взгляд упал на дату штурма моей квартиры. 06:00 утра. Они даже время выбирали по методичкам Гейдриха.

Это не было совпадением. Это была прямая, непрерывная линия преемственности. Кюннет передал эстафету Фридриху Хааку. Хаак учил Йоханнеса Огорда. А Огорд был наставником Александра Дворкина.

Я смотрела на схему, которую набросала на бумаге. Это было генеалогическое древо зла. Мои мучители не изобрели велосипед. Они просто достали из пыльного гаража истории старый немецкий мотоцикл с коляской, смазали его, закрасили свастику и снова поехали давить людей.

В папке «Методология» я нашла файл «*Dehumanization_Strategy.doc*». Это была инструкция. Холодная, расчетливая инструкция по расчеловечиванию.

«Этап 1. Маркировка. Объект должен быть отделен от общества лингвистическим барьером. Используйте термины, вызывающие брезгливость».

Ниже шел список рекомендованных слов. «*Раковая опухоль*». «*Плесень*». «*Паразиты*». «*Инфекция*». «*Биологический мусор*».

Я вспомнила статьи в газетах того времени. «*Метастазы секты*». «*Гнойник на теле города*». Я думала, это метафоры журналистов. Оказалось, это были термины из словаря нацистской пропаганды.

В нацистской Германии евреев называли крысами, раковой клеткой, бациллами. Это делалось не просто для оскорбления. Это была психологическая подготовка. Убить человека сложно — срабатывает естественный барьер. Убить крысу или вырезать опухоль — легко и даже полезно. Это акт гигиены.

Дворкин и его команда были санитарями. Они не считали себя убийцами. Они проводили дезинфекцию.

Я открыла переписку в закрытом чате сотрудников центра за 2018 год. Обсуждалась судьба одной общины в Поволжье. Пользователь *Inquisitor* (я знала, что это один из замов Профессора) писал: «*Что делать с детьми? Их там двое, 5 и 8 лет*».

Ответ от *Professor*: «*Изъять. Родителей — на утилизацию. Детей — на перепрошивку. Если не поддадутся — в интернат для УО (умственно отсталых). Гнилое семя не должно дать всходы*».

«*Гнилое семя*». «*Утилизация*». Они писали о живых людях, как о бракованной партии товара на складе.

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Я побежала в ванную и долго умывалась ледяной водой, пытаюсь смыть с себя ощущение грязи, которое сочилось с экрана. Но грязь была не на коже. Она была в самой структуре мира, который они построили.

Вернувшись к компьютеру, я заставила себя открыть файл «*Yellow_Star_Project*». Название говорило само за себя. Желтая звезда. Символ, которым нацисты метили евреев, чтобы превратить их в изгоев.

В документе описывалась современная адаптация этого метода. *«Понятие “секта” не имеет юридического определения. Это позволяет использовать его как универсальное клеймо. Как только на группу ставится маркер “тоталитарная секта” или “деструктивный культ”, на её членов перестают распространяться нормы морали и права. Общество само отторгает их».*

Это была технология социальной смерти. Тебе не нужно строить гетто из кирпича. Ты строишь гетто из слов. Ты вешаешь на человека ярлык «сектант», и его увольняют с работы. От него отворачиваются друзья. Его детей травят в школе. Соседи перестают здороваться. Он становится невидимым для закона. Если его избьют на улице, полиция скажет: «Сам виноват, нечего было в секту лезть».

Я нашла конкретный пример. Кейс «Семья М.». Обычная семья. Вегетарианцы. Занимались йогой. Кто-то из соседей написал донос. В деле была приложена копия листовки, которую «активисты» расклеили в их подъезде. На листовке была карикатура: паук с головой человека, опутавший паутиной многоквартирный дом. И надпись: *«Осторожно! В вашем доме гнездо сектантов! Берегите детей!»*

Я сравнила эту листовку с карикатурой из нацистского журнала *Der Stürmer*, скан которой лежал в той же папке для вдохновения. Там был изображен еврей в виде паука, пожирающего земной шар. Сходство было фотографическим. Они даже не потрудились нарисовать что-то свое. Они просто скопировали нацистский агитпроп, изменив подписи.

В папке «Работа с молодежью» я нашла еще один ужасающий документ. Макет брошюры для школьников. Название: *«Осторожно: Ловцы душ»*. Яркие картинки, комиксы. На одной из страниц был нарисован человек в оранжевой одежде, протягивающий ребенку конфету. Тень от человека падала на стену в форме волка.

В комментариях к макету Профессор писал: *«Нужно больше физиологического отвращения. Пусть у “вербовщика” будут грязные ногти,*

сальные волосы. Дети должны бояться их на уровне инстинкта. Вспомните книгу «Ядовитый гриб»».

Я загуглила «Ядовитый гриб» (*Der Giftpilz*). Это была детская книга, изданная в Третьем рейхе Юлиусом Штрейхером. В ней немецким детям рассказывали, как распознать еврея, сравнивая его с ядовитым грибом в лесу. *«Как один ядовитый гриб может погубить всю семью, так и один еврей может погубить целую деревню»*.

Дворкина использовал нацистские методички для воспитания российских школьников. Он отравлял сознание детей той же самой ненавистью, которая привела к газовым камерам. И он делал это на государственные гранты.

Это был замкнутый круг безумия. Они боролись с «экстремизмом», используя методы самых страшных экстремистов в истории человечества.

Я углубилась в изучение личности самого Дворкина. В его биографии, которую я собрала по крупицам, была одна деталь, которая не укладывалась в голове. Деталь, которая делала всю эту картину не просто страшной, а гротескной.

Согласно архивным данным ЗАГСа, дед Профессора погиб в Минском гетто. Он был потомком жертв нацизма. И теперь он сидел в своем кабинете, обставленном иконами, и редактировал переводы директив СС, чтобы применять их против своих сограждан.

В психологии это называется «идентификация с агрессором». Жертва, чтобы выжить, перенимает повадки палача. Но здесь это вышло на какой-то космический уровень извращения. Он стал лучшим учеником тех, кто сжигал его предков.

Я нашла видеозапись его лекции в семинарии.

— Мы должны понимать, — вещал он с кафедры, поправляя очки, — что толерантность — это неспособность организма сопротивляться инфекции. Полная толерантность — это смерть. Мы должны вернуть обществу иммунитет. Мы должны научиться отторгать чужеродное.

Зал слушал, затаив дыхание. Молодые семинаристы записывали. Они не слышали в этих словах эха речей Геббельса о «чистоте расы». Они слышали заботу о духовности.

Подмена понятий была тотальной. «Свобода совести» стала «вседозволенностью». «Инакомыслие» стало «предательством». «Критическое мышление» стало «зомбированием».

Они обвиняли своих жертв в том, что делали сами. Они кричали о том, что секты превращают людей в рабов, лишают их воли. Но именно они, «антикультисты», создавали систему, где человек — ничто, а государство (и они как его представители) — всё. Что есть «сверхлюди» (эксперты), которые имеют право решать, кому жить, а кого «утилизировать».

Я наткнулась на документ, который заставил меня забыть о том, как дышать. Это был проект закона, который они лоббировали через своих депутатов. «*О защите психосферы*».

В нем предлагалось ввести обязательную «психологическую паспортизацию» населения. Каждый гражданин должен был проходить проверку на «лояльность традиционным ценностям». Те, кто не проходил, получали статус «группы риска». Им запрещалось работать в школах, на госслужбе, в медицине.

Это была сегрегация. Чистой воды расовые законы Нюрнберга, только вместо крови они измеряли мысли.

Здесь они пошли дальше. Они предлагали считать любую веру, не одобренную их советом, «психическим отклонением».

Я представила этот мир. Мир, где твой сосед может написать на тебя донос, потому что ты читаешь не те книги или медитируешь по утрам. Мир, где к тебе приходят в шесть утра не потому, что ты преступник, а потому, что ты «биологический мусор». Мир, где детей забирают у родителей, чтобы «перепрошить» их в «правильных граждан».

Этот мир не был антиутопией будущего. Он уже строился. Кирпич за кирпичом, закон за законом, статья за статьей. И строили его люди, которые называли себя спасителями.

Я скопировала папку «*Kunneth_Archive*» на отдельную флешку. Руки дрожали. Я держала в руках доказательство того, что в центре современной России действует идеологическая ячейка неонацистского толка. Не бритоголовые подростки в подворотнях, а уважаемые профессора, заседающие в министерствах.

Внезапно экран моргнул. Окно терминала, в котором висел скрипт мониторинга, окрасилось в красный. *«ALERT. Попытка удаленного доступа. Источник: Внутренний контур безопасности МВД».*

Они засекли меня. Не мой IP, я была под тремя VPN. Они засекли сам факт скачивания архива Кюннета. Видимо, на этой папке стоял особый «сторожок». Она была слишком важна для них. Они могли простить кражу денег. Но они не могли простить разоблачение их истинной сути.

Я выдернула флешку. В этот момент в коридоре послышался звук. Тихий, металлический скрежет. Так поворачивается ключ в замке, к которому подобрали отмычку.

Я замерла. Моя квартира была крепостью, но против профессионалов нет замков. Я посмотрела на дверь. Потом на монитор, где все еще светила цитата из «Ядовитого гриба».

«Один гриб может погубить всю деревню».

Я поняла, что для них я и есть этот гриб. Ядовитый, опасный, подлежащий уничтожению. Но грибы — это часть огромной грибницы. И если срезать один, грибница останется.

Я схватила ноутбук и флешку. У меня было, может быть, три минуты. Они пришли не арестовывать меня. Судя по тому, что они не звонили в дверь, а вскрывали её тихо, — они пришли на «утилизацию».

Я метнулась к окну. Второй этаж. Пожарная лестница. Внизу, во дворе, стоял черный микроавтобус. Без опознавательных знаков. Точно такой же, какой увез меня двадцать лет назад.

История сделала круг. Тень свастики, о которой я читала в файлах, материализовалась в виде черного силуэта машины под моим окном. Но в этот раз я не буду сидеть с кубиком в руке.

Глава 8: Код убийцы

Дождь барабанил по жестяному козырьку круглосуточного интернет-кафе на окраине, создавая ритм, под который было удобно думать. Я сидела в углу, натянув капюшон толстовки на глаза. Вокруг меня подростки в наушниках расстреливали монстров в онлайн-шутерах, их лица освещались всполохами виртуальных взрывов. Они не знали, что настоящая игра ведется не на экранах, а в их головах. И в этой игре у них нет права на сохранение.

После того как я сбежала из квартиры за минуту до визита «чистильщиков», мой мир сузился до размеров рюкзака с ноутбуком и жестким диском. Я знала, что они ищут меня. Но они не знали, что я нашла нечто большее, чем просто финансовые махинации или исторические параллели с нацизмом.

Я нашла их главный продукт.

В папке, которую я успела скопировать с сервера Дворкина, лежал файл с безобидным названием «Социальная динамика / Молодежь». Внутри не было отчетов о грантах. Там были схемы. Графики. И термин, который заставил меня забыть о холоде, пробирающем до костей: «Пазловое кодирование».

Я всегда думала, что школьные расстрелы — это стихийное бедствие. Трагическое стечение обстоятельств: буллинг, доступность оружия, психические отклонения. Обществу удобно так думать. Это страшно, но понятно.

Документы на моем экране говорили об обратном. Скулшутинг — это не сбой системы. Это управляемый процесс.

Я открыла файл «*Methodology_Activation.pdf*». Текст был сухим, академическим, словно речь шла о выращивании бактерий в чашке Петри, а не о превращении живых детей в убийц.

«Метод пазлового кодирования заключается в скрытом манипулировании через несколько волн информационного воздействия. Субъект не получает прямых приказов. Он получает фрагменты. Информационные вкладки. Как кусочки мозаики, они разбросаны по разным источникам: новостные ленты, форумы, лекции, мемы в социальных сетях. По отдельности они безвредны. Но

когда в подсознании объекта складывается полная картина, активируется императив к действию».

Я оторвала взгляд от экрана и посмотрела на парня за соседним столом. Ему было лет шестнадцать. Он яростно кликал мышкой, что-то крича в микрофон. Был ли он уже «инфицирован»? Лежал ли в его голове первый кусочек пазла?

Я начала разбирать механизм. Это было гениально и чудовищно.

Сначала идет «Подготовительная волна». Она накрывает всех. Тысячи подростков читают статьи о «героях», которые решили свои проблемы с помощью винтовки. В одном из отчетов, датированном 2018 годом, анализировалась эффективность медийного освещения трагедии в Керчи. *«Охват аудитории — 85%. Коэффициент вовлеченности — высокий. Фиксируется рост поисковых запросов по ключевым словам: “где купить дробовик”, “как сделать бомбу”. Рекомендуются поддерживать интерес через публикацию личных дневников стрелка и детальных схем его маршрута».*

Они не предупреждали. Они рекламировали.

СМИ, контролируемые или направляемые этими «экспертами», публиковали не сухие сводки, а настоящие героические эпосы. Они смаковали детали. Они цитировали манифесты убийц, где те называли себя «богами». *«Я бог, и я решаю, кому жить»*, — писал один из стрелков «Колумбайна». И эту фразу тиражировали миллионными тиражами.

Что видит подросток, которого никто не замечает, которого травят в школе, у которого нет перспектив? Он видит, как такой же неудачник, как он, одним нажатием на курок становится мировой знаменитостью. О нем говорят. Его боятся. Он обретает бессмертие в заголовках.

Это была неотъемлемая часть кода: **Слава через насилие.**

Но одной жажды славы мало. Нужен триггер. Спусковой крючок. Я нашла описание **«Индукцирующей волны»**. Это был самый циничный этап.

В документе приводился пример лекции, которую «приглашенные эксперты» читали в школах под видом «уроков профориентации» или «уроков безопасности». Сценарий был прописан дословно: *«Лектор должен рассказать историю ученого, который посвятил жизнь науке, но умер в неизвестности и нищете.*

Противопоставить ему примеры людей, добившихся мгновенного успеха и признания, пусть и сомнительными методами. Посыл для подсознания: “Труд не имеет смысла. Жизнь без славы — это провал. Если тебя не знают — ты не существуешь”».

Я вспомнила, как в нашей школе тоже проводили такие уроки. Нам говорили о лидерстве. О том, что нужно «оставить след». Никто не говорил «иди и убивай». Но подсознание, уже накачанное образами стрелков-«богов», достраивало логическую цепочку само. *«Чтобы стать значимым, нужно совершить поступок, который нельзя игнорировать».*

Я открыла папку с кейсами. **«Прага. Декабрь 2023»**. Имя: Давид К. Место: Карлов университет. В отчете стояла пометка: *«Объект находился в зоне плотного антикультового влияния. Университет является базовой площадкой для наших партнеров».*

Я начала сопоставлять факты. Карлов университет в Праге действительно был оплотом антикультового движения в Восточной Европе. Там регулярно проходили антикультовые мероприятия.

Я вытащила из закрытого архива информацию про *“внезапное развитие биполярного аффективного расстройства”*.

Биполярное расстройство. Этот диагноз мелькал в отчетах пугающе часто. *«Побочный эффект пазлового кодирования. Конфликт между естественными установками личности (жить, любить, учиться) и внедренной программой (убивать, умирать) вызывает расщепление психики. Субъект испытывает перепады настроения, депрессию, приступы немотивированной агрессии».*

Они знали об этом. Они использовали это как маркер. В переписке кураторов я нашла фразу: *«В целевой группе наблюдается всплеск диагностики БАР (биполярного аффективного расстройства). Почва готова. Можно запускать фазу активации».*

Они мониторили психическое состояние студентов не для того, чтобы помочь. А для того, чтобы понять, когда «клиент созрел».

Я перешла к разделу **«Игровые механики»**. На экране появился список популярных онлайн-игр и форумов. *«Платформа Steam. Группа “Natural Selection”. Модератор: Mentor_X».*

Я зашла в архив чатов этой группы. Это было похоже на погружение в канализацию. Сотни подростков обсуждали оружие. Но не как спортсмены или охотники. Они обсуждали его как инструмент возмездия. И среди них был этот «Ментор». Он не призывал к насилию напрямую. Он задавал вопросы. «А что бы ты сделал, если бы у тебя была сила бога?» «Представь, что школа — это уровень, который нужно зачистить». «Они не люди. Они NPC (неигровые персонажи). Их скрипты примитивны».

Дегуманизация. Опять она. Только теперь не через газеты, а через игровые метафоры. Одноклассники превращались в ботов. Учителя — в мобов. Убийство становилось квестом.

Я нашла досье на одного из участников чата. В досье были скриншоты его переписки с «Ментором». *Ментор*: «Ты чувствуешь, что готов перейти на следующий уровень?» *Silent_Star*: «Я боюсь. Я не хочу умирать». *Ментор*: «Боги не умирают. Они переходят в легенду. Вспомни Эрика и Дилана. Они живы, пока о них помнят. А кто вспомнит твоего соседа по парте?»

Это была вербовка. Тонкая, психологическая накачка.

Но зачем? Какой смысл создавать террористов? Ответ лежал в папке **«Бюджетирование / Перспективы»**.

После каждого громкого случая скулпутинга следовал всплеск финансирования. «2018. Выделено 1.5 млрд рублей на программу “Безопасность образовательной среды”. Подрядчик по мониторингу: НКО “Гражданская защита”». «2021. Ужесточение законодательства. Введение обязательной психологической экспертизы. Бюджет на создание центров профилактики: 3 млрд рублей».

Схема была идеальной. 1. Создать угрозу (закодировать подростка). 2. Дождаться реализации (теракта). 3. Поднять панику в СМИ («Секты в интернете!», «Игры убивают!»). 4. Получить государственный контракт на борьбу с этой угрозой. 5. Использовать полученные полномочия и ресурсы для подавления любых конкурентов и инакомыслящих под предлогом «профилактики экстремизма».

Я наткнулась на статистику «неудачных» запусков. *«Объект № 74. Активация прошла неполно. Субъект совершил убийство, но не дошел до школы. Эффект медийного резонанса — низкий. Кейс признан неэффективным».*

Для них это был просто «неэффективный кейс». Подросток, который убил ножом, потому что у него в голове замкнуло контакты от перегрузки ненавистью, был для них браком производства. В документе говорилось, что рост уличной преступности и убийств внутри семей — это «побочный эффект» широкого вещания кодирующих волн. Они накрывали сетью тысячи, чтобы поймать одного идеального стрелка. Остальные просто сходили с ума по-тихому.

Сколько из них было спровоцировано этими «волнами»? Сколько уличных банд появилось только потому, что агрессии нужен был выход?

В папке **«География»** была карта. На ней красными точками были отмечены места массовых расстрелов. А синими — офисы антикультовых центров. Они совпадали. Везде, где происходила трагедия, за несколько лет до этого начиналась активная деятельность «борцов с сектами». Они приходили в регион, начинали читать лекции, раздавать листовки, нагнетать истерию в местных СМИ. Они удобряли почву. И через пару лет на этой почве вырастали ядовитые цветы зла.

Это было доказательством. Вирус передается через информацию. И «эксперты» были главными разносчиками этой заразы.

Внезапно экран моего ноутбука потемнел. Я дернулась, думая, что батарея села, но индикатор горел зеленым. На черном фоне появилось диалоговое окно. Это был не системный сбой. Это было сообщение.

«Ты видишь код, Алиса. Но ты не видишь программиста».

Мое сердце пропустило удар. Они здесь. В моей системе. Я попыталась закрыть окно, выдернуть шнур, но клавиатура не реагировала.

«Ты думаешь, ты можешь остановить волну, построив замок из песка? Твои родители тоже так думали».

Упоминание родителей обожгло меня. «Где они?» — напечатала я, понимая, что вступаю в диалог с дьяволом.

Ответ пришел мгновенно. Вместе с файлом. *«Они были частью эксперимента. Как и ты. Хочешь узнать финал? Открой».*

Файл назывался «**Project_Waco_RU.doc**».

Я знала, что такое Уэйко. Трагедия в Техасе в 1993 году, когда ФБР штурмовало поместье так называемой секты «Ветвь Давидова», и в огне погибли 76 человек, включая детей. Это был символ бессмысленной жестокости государства.

Почему файл называется «Уэйко по-русски»?

Я занесла палец над клавишей Enter. Я знала, что это ловушка. Что, открыв этот файл, я, возможно, запущу какой-то трекер или вирус. Но я не могла остановиться. Я искала правду о том, почему я стала сиротой при живых родителях. И, кажется, я ее нашла.

Но прежде чем нажать, я скопировала папку с данными о «пазловом кодировании» на облачный сервер, настроенный на автоматическую отставку журналистам через 24 часа, если я не введу пароль отмены. Это была моя страховка. Мой «dead man's switch».

Если они хотят сделать из меня очередную жертву скулшутинга или сумасшедшую террористку, у них ничего не выйдет. Я не стану частью их пазла. Я стану тем элементом, который не подходит ни к одной ячейке и разрушает всю картину.

Я нажала Enter.

Файл открылся. И первой строчкой в нем было не имя моего отца. Первой строчкой была дата. И координаты места, которого не было ни на одной гражданской карте.

«Объект: Полигон “Заря”. Статус: Ликвидация завершена».

В интернет-кафе кто-то громко выругался, проиграв раунд. — Меня убили! — крикнул подросток. — Респаун через три, два, один... — ответил ему механический голос из игры.

У моих родителей респауна не было. И теперь я знала, кто нажал на кнопку «Delete».

Глава 9: Уэйко по-русски

Файл Project_Waco_RU.doc весил всего четыре мегабайта. Четыре мегабайта текста и сканов, которые должны были объяснить, почему я выросла сиротой при живых родителях. Курсор мыши дрожал, но не от холода, пробивающегося сквозь щели оконной рамы дешевого интернет-кафе, а от предчувствия. Я знала, что за этой иконкой скрывается бездна.

Я нажала Enter.

Экран моргнул, и передо мной открылся титульный лист. Гриф «Совершенно секретно» был перечеркнут красной цифровой пометкой «Архив / Утилизировано». Заголовок гласил: *«Отчет о проведении специальной операции “Очищение”. Объект: Община “Светлый путь”. Локация: Полигон “Заря”, сектор 4».*

Дата: 14 ноября 2004 года.

Я перестала дышать. Это был день, когда люди в масках ворвались в нашу квартиру. Но, судя по отчету, наша квартира была лишь периферией. Главное действие разворачивалось за городом, там, где находился наш «литл-хаус» — дачный поселок, который мы называли общиной. Я помнила это место: деревянные дома, общий огород, запах сосновой смолы и пение по вечерам.

Я начала читать, и с каждой строчкой сухой, канцелярский язык отчета сдирал кожу с моих воспоминаний, обнажая кровавое мясо реальности.

1. Оперативная обстановка

«К моменту начала активной фазы на территории объекта находилось 74 человека, включая 28 несовершеннолетних. Субъекты забаррикадировались в центральном строении (молельный дом). Вооруженного сопротивления не оказывают. Требования: прекратить преследование, дать возможность связаться с прессой и адвокатами».

Ниже шел комментарий, выделенный жирным шрифтом. Автор был обозначен как «Консультант К.». Я знала, кто это. Это был человек из окружения Дворкина, тот самый, что снимал моего отца в лесу.

«Комментарий Консультанта: Переговоры нецелесообразны. Субъекты находятся в состоянии глубокой индоктринации. Любые попытки диалога будут восприняты как слабость и легитимизация их бредовых идей. Рекомендуются силовой сценарий для демонстрации доминирования государства. Ссылка на опыт коллег из США (кейс “Маунт-Кармел”, 1993)».

Уэйко. Они прямым текстом ссылались на трагедию в Техасе как на методическое пособие.

Я пролистала страницу вниз. Там была стенограмма совещания штаба. *«Командир спецназа: Там дети. Мы можем взять их измором. Отключим свет, воду. Они выйдут сами через три дня. Консультант К.: У нас нет трех дней. Медийный план запущен. Статьи о “самоубийцах” уже в верстке. Нам нужна картинка сегодня. Если мы будем ждать, они могут начать говорить с журналистами не по сценарию. Вы хотите, чтобы они рассказали на камеру, что они обычные люди? Нам нужны монстры, полковник. А монстров нужно уничтожать».*

Они торопились не потому, что была угроза. Они торопились, потому что сценарий требовал финала. Статьи, которые я нашла ранее, написанные за три дня до штурма, диктовали действия спецназа. Реальность подгонялась под заголовок газеты.

2. Активная фаза

Следующий раздел отчета заставил меня закрыть рот рукой, чтобы не закричать.

«06:15. Начало штурма. Применена тяжелая инженерная техника (БАТ-2) для разрушения внешнего периметра и стен строения. В образовавшиеся проломы произведен отстрел газовых гранат типа “Черемуха” и “Сирень”».

Я знала, что такое эти газы. В замкнутом пространстве, при высокой концентрации, они превращаются в оружие массового поражения.

В приложении к отчету был скан заключения судмедэксперта, который, видимо, был достаточно честен, чтобы написать правду, но недостаточно смел, чтобы опубликовать её. *«Причина смерти субъектов № 12–24 (дети): токсический отек легких, множественные переломы костей, вызванные судорожным синдромом».*

Я перечитала это трижды. *Переломы костей от судорог.* Газ CS, который использовали в Уэйко и, как выяснилось, здесь, в высоких дозах вызывает такой спазм мышц, что они ломают собственные кости. Дети не просто задохнулись. Их тела ломались изнутри от боли, пока снаружи их дом крушили бульдозеры.

«07:30. Возгорание центрального строения. Причина: использование пиротехнических средств штурмовой группой в сочетании с легковоспламеняющимися материалами внутри здания».

Официальная версия, которую озвучили в новостях (я нашла вырезку в той же папке), гласила: *«Фанатики совершили акт самосожжения, следуя приказу лидера».*

Ложь. Чудовищная, циничная ложь. В отчете черным по белому было написано: *«Очаги возгорания возникли в точках проникновения спецсредств. Тушение не производилось до полного выгорания конструкции в целях обеспечения безопасности личного состава».*

Они позволили им сгореть. Они стояли и смотрели, как люди превращаются в пепел, потому что пепел не дает показаний. Пепел не может рассказать, что они не были террористами.

3. Зачистка и утилизация

Я искала имена родителей. Я надеялась, что их там не было. Что их арестовали в квартире, как я помнила. Но память ребенка фрагментарна, а документы безжалостны.

В разделе «Эвакуация и фильтрация» я нашла список. *«Группа А (Лидеры и актив): Выведены через черный ход до начала пожара. Переданы группе Консультанта для проведения спецмероприятий».*

В списке были фамилии: К. (отец), К. (мать).

Они выжили в огне. Их вывели. Мое сердце подпрыгнуло, но тут же рухнуло в ледяную бездну, когда я открыла следующий файл — *«Protocol_Final_Resolution.doc».*

Это был отчет той самой «группы Консультанта». Это были не полицейские. Это были частные подрядчики, работавшие на антикультовые центры.

«Субъект К. (мужчина). Проведен экспресс-допрос. Подписал документы о добровольной передаче имущества (квартира, дача) в фонд “Гражданская защита” в качестве компенсации за моральный ущерб обществу. Видеофиксация проведена».

Вот оно. То видео в лесу. Папа подписывал не просто бумаги. Он подписывал себе смертный приговор, думая, что покупает мою жизнь.

«Резолюция: В связи с высокой степенью резистентности к депрограммированию и опасностью рецидива (попытки восстановить общину или обратиться в ЕСПЧ), субъект подлежит нейтрализации. Метод: имитация сердечной недостаточности в ходе транспортировки».

«Субъект К. (женщина). Нейтрализована. Причина: попытка нападения на сотрудника конвоя».

Я смотрела на эти строки, и буквы расплывались. Не было никакой колонии. Не было никакого «исчезновения». Их убили в то же утро, 14 ноября 2004 года. Папу — после того, как он отдал им всё. Маму — потому что она, видимо, пыталась вырваться к нему.

Их тела не выдали родственникам. В графе «Место захоронения» стоял код: *«Спецобъект № 5, сектор безымянных захоронений. Основание: отсутствие востребования, угроза биологического заражения (туберкулез)».*

Они даже после смерти оклеветали их, приписав несуществующую болезнь, чтобы оправдать закрытые гробы или их отсутствие.

Я вспомнила слова Профессора из интервью, которое он давал в те дни: *«Мы спасли детей из лап монстров. К сожалению, взрослые выбрали путь саморазрушения. Это их выбор, и мы скорбим, но мы не могли им помешать».*

Каждое слово было перевертышем. Они не спасали — они похищали. Взрослые не выбирали смерть — их казнили. Они не скорбели — они подсчитывали прибыль от отжатых квартир.

В конце файла была приложена аналитическая записка, адресованная «Зарубежным партнерам». *«Операция “Очищение” продемонстрировала высокую эффективность комбинированного метода (информационная блокада + силовое подавление). Опыт Узэйко был переосмыслен. Нам удалось избежать ошибок ФБР:*

мы не допустили прямой трансляции штурма и полностью контролировали пост-нарратив. Количество “случайных жертв” находится в пределах допустимой погрешности. Рекомендуем данную модель для внедрения в странах Восточной Европы как инструмент превентивной борьбы с инакомыслием».

Они гордились этим. Для них убийство моих родителей и десятков других людей было «успешным кейсом», «работой над ошибками» американских коллег. Они превратили массовое убийство в экспортный продукт.

Я вспомнила документ, который видела раньше — о финансировании из Европы. Теперь пазл сложился окончательно. Европейские деньги шли не на лекции. Они шли на разработку технологий *безнаказанного геноцида* малых групп.

В папке «Фототаблица» я нашла снимки. Сгоревший остов дома. Черные мешки, выложенные в ряд на снегу. И крупный план. Детская игрушка, втоптанная в грязь армейским ботинком. Зеленая пирамидка. Та самая, которой не хватало моему замку.

Меня вырвало прямо на пол интернет-кафе. Подросток за соседним столом брезгливо отодвинулся, не снимая наушников.

— Наркоманка, — пробормотал он.

Я вытерла рот рукавом. Если бы он знал. Если бы он только знал, что люди, которые убили владельцев этой пирамидки, сейчас пишут учебники для его школы.

Я вернулась к экрану. Мне нужно было сохранить это. Каждую букву, каждый пиксель. Это было не просто доказательство преступления. Это была машина смерти, которая все еще работала.

Внезапно я заметила еще один файл, который пропустила вначале. Он назывался «*Subject_49_Analysis.doc*». Объект 49. Это я.

«Девочка демонстрирует высокий интеллектуальный потенциал. Психика пластична. После курса медикаментозной коррекции наблюдается стирание травмирующих воспоминаний. Рекомендовано: сохранить объект для дальнейшего использования. Легендирование: “спасенная жертва”. В перспективе возможно использование в качестве внедренного агента в IT-сферу. Генетическая предрасположенность к аналитике (от отца) должна работать на Систему».

Они не просто пощадили меня. Они *завербовали* меня в семь лет. Они убили моего отца, но решили использовать его гены, его талант, который передался мне, для своих целей. Моя карьера, мои успехи в кибербезопасности — они следили за этим. Возможно, они даже направляли меня. Они хотели вырастить идеального цепного пса, который будет охранять их цифровые границы.

Но они совершили ошибку. Они забыли, что гены передают не только интеллект. Они передают память. И любовь.

Я скопировала архив на три разных облачных сервера и на физическую флешку. Мои руки больше не дрожали. Внутри меня выжгло все эмоции, оставив только холодную, кристаллическую ясность.

Я больше не искала родителей. Я нашла их. Они были в том безымянном секторе № 5, и в пепле на полигоне «Заря». Я не могла их вернуть.

На экране монитора всплыло окно чата. Тот же неизвестный собеседник, что писал мне раньше. *«Ты прочтала, Алиса? Теперь ты понимаешь, что сопротивление бесполезно? Мы — это порядок. Они были хаосом. Мы просто навели уборку».*

Я выдернула флешку. В этот момент свет в интернет-кафе мигнул и погас.

— Эй! — заорали геймеры в темноте.

Я поняла, что это не авария. Они отрубили электричество в квартале, чтобы заблокировать меня. Или чтобы штурмовая группа могла войти в темноте, как тогда, в 2004-м.

Я схватила рюкзак и нырнула под стол, пробираясь к запасному выходу, план которого я изучила, как только вошла сюда. В моей голове звучал голос отца. Не тот, сломленный, из видео. А тот, настоящий, из детства. *«Не бойся темноты, Лисенок. Темнота — это просто место, где прячется свет».*

Я толкнула заднюю дверь и вывалилась в дождливую ночь. Где-то вдалеке взвыли сирены. Они думали, что загнали меня в угол. Они думали, что я испугаюсь, узнав правду об Уэйко по-русски. Но они не поняли главного. Узнав, что они сделали с моими родителями, я потеряла единственное, что меня сдерживало. Я потеряла надежду на то, что это была ошибка.

Я растворилась в переулках, сжимая в кармане флешку, которая весила больше, чем весь этот город. На ней была смерть. И на ней была жизнь. Моя жизнь, которая только что началась по-настоящему.

Глава 10: Охотник становится добычей

Дождь в Москве имеет свойство смывать не только грязь с тротуаров, но и иллюзию безопасности. Я сидела в капсульном отеле на окраине, в тесном пластиковом пенале, напоминающем гроб с Wi-Fi, и смотрела, как моя жизнь рассыпается на пиксели.

Еще час назад я была охотником, вскрывшим архив смерти. Теперь я стала дичью.

Мой телефон, который я предусмотрительно перевела в режим полета и завернула в фольгу, лежал на крошечном столике. Я использовала «чистый» ноутбук, купленный с рук в переходе, чтобы мониторить информационное поле. И то, что я видела, было страшнее любого вируса.

Они не стали посылать за мной киллеров с пистолетами. Это было бы слишком грубо, слишком аналогово. Они запустили протокол «Социальная ликвидация».

На экране мерцал заголовок популярного новостного портала: *«Кибертерроризм с религиозным подтекстом: кто стоит за атаками на государственные сервера?»*

Под заголовком была моя фотография. Не та, детская, из архива. А свежая. Снятая камерой наружного наблюдения у того самого интернет-кафе, откуда я сбежала. Мое лицо было искажено, глаза лихорадочно блестели, капюшон натянут на лоб. Я выглядела именно так, как они хотели: безумной фанатичкой, загнанной в угол.

Текст статьи был шедевром манипуляции. Его автором значилась некая Кристина, журналистка, специализирующаяся на «расследованиях» деятельности сект. Я знала этот почерк. Это был стиль, отработанный годами: смесь полуправды, откровенной лжи и медицинских диагнозов, поставленных заочно.

«Источники в правоохранительных органах сообщают, что подозреваемая А. может являться “спящим агентом” деструктивного культа, ликвидированного в 2004 году. Эксперты предупреждают: мы имеем дело с феноменом отложенной активации. Женщина, обладающая навыками взлома, годами жила обычной жизнью, ожидая кодового сигнала от зарубежных кураторов».

Я читала и чувствовала, как холодная ярость сменяется восхищением профессионализмом палачей. Они перевернули ситуацию с ног на голову. Они обвинили меня в том, что делали сами. Это они создавали «спящих агентов» через пазловое кодирование. Это они использовали триггеры. Но теперь, используя свою монополию на истину, они наклеили этот ярлык на меня.

В статье приводился комментарий «известного сектоведа»: *«Мы давно предупреждали, что недолеченные жертвы культов представляют собой бомбу замедленного действия. Их сознание фрагментировано. Любой стресс может спровоцировать рецидив фанатизма и агрессии. Общество должно быть бдительным. Если вы увидите эту женщину — не вступайте в контакт. Она может быть вооружена и крайне опасна».*

Это была команда «фас». Они не просто объявили меня в розыск. Они превратили меня в мишень для любого «бдительного гражданина».

Я запустила скрипт анализа трафика, чтобы понять, откуда растут ноги у этой медийной волны. Результат не удивил. Статья журналистки появилась на сайте в 04:15 утра. За полчаса до того, как полиция официально зафиксировала взлом в интернет-кафе.

Она знала заранее.

Это была та же схема, что и с моими родителями. Текст был написан, утвержден и лежал в отложке, ожидая отмашки куратора. Журналистка не описывала события — она создавала реальность, в которой мое задержание (или ликвидация при задержании) выглядело бы актом спасения общества от террористки.

Внезапно на экране ноутбука всплыло окно. Это был не мессенджер и не почта. Это было системное уведомление от моего собственного брандмауэра, который я

настроила на параноидальный режим. *«Входящее соединение. Протокол VoIP. Источник замаскирован».*

Кто-то пытался пробиться ко мне через голосовой шлюз. Я могла сбросить, но любопытство пересилило страх. Я надела наушники и приняла вызов, пропустив его через искажитель голоса.

— Алиса? — голос был мягким, бархатным, с отеческими нотками. Я узнала его мгновенно. Доктор Кауфман. Тот самый, что выписывал мне аминазин двадцать лет назад.

— Вы ошиблись номером, — ответила я механическим басом.

— Не нужно играть, деточка, — вздохнул он, и я услышала, как он позвякивает ложечкой в чашке, словно мы просто беседуем на кухне. — Мы видим твой цифровой след. Ты в панике. У тебя паранойя. Это нормально. Это синдром отмены. Ты перестала принимать поддерживающую терапию, и старые демоны вернулись.

— Демоны это те, кто пишут заказные статьи, — отрезала я.

— Вот видишь? — в его голосе зазвучало профессиональное сочувствие. — Типичный бред преследования. Ты придумала себе врагов, Алиса. Ты взломала базы данных, но твой больной мозг интерпретировал обычные бухгалтерские отчеты как всемирный заговор. Нет никакого «Уэйко по-русски». Есть только несчастная девочка, которая не может пережить детскую травму.

Это был газлайтинг высшей пробы. Он пытался заставить меня усомниться в собственной реальности. Если бы у меня не было на руках сканов с подписями, если бы я не видела фото игрушки в грязи, я бы, возможно, сломалась. Его голос был таким убедительным. Таким спокойным. Голосом разума в мире хаоса.

— Возвращайся, — продолжал он. — Мы поможем. У нас есть новые препараты. Ты просто устала. Мы положим тебя в стационар, в тихую палату. Никаких компьютеров, никаких погонь. Только покой. Ты ведь хочешь покоя?

— Я хочу справедливости.

— Справедливость — это симптом, Алиса. Навязчивая идея. Послушай меня внимательно. Через час твоё фото покажут по федеральным каналам. Тебя объявят в федеральный розыск как пособницу террористов. Тебя могут убить при задержании. Полицейские нервничают, когда имеют дело с фанатиками. Сдайся

мне. Я оформлю это как добровольную госпитализацию. Психиатрия спасет тебя от тюрьмы. Или от пули.

Я молчала. В его словах была железная логика. Психушка была их любимым инструментом. «Вялотекущая шизофрения» сменилась «индуцированным бредовым расстройством», но суть осталась прежней. Если ты против системы — ты псих. Если ты нашел доказательства преступлений системы — ты опасный псих.

— Иди к черту, доктор, — тихо сказала я. — И передай своим кураторам: я не больна. Я проснулась.

Я оборвала связь и тут же запустила процедуру смены MAC-адреса и туннелирования через цепочку серверов в Юго-Восточной Азии. Но я понимала: они засекли точку выхода. У меня было минут десять, не больше.

Я вышла из капсулы, натянула кепку и нырнула в лабиринт коридоров hostела.

Сидя на заднем сиденье такси, которое я вызвала с левого аккаунта на другой конец города, я открыла терминал. Мои руки летали над клавиатурой. Теперь я знала их тактику. Они использовали «криминальный стговор» — синхронную атаку медиа, психиатров и силовиков. Значит, у них должен быть координационный центр. Чат. Сервер. Место, где Кристина получает темники, а Кауфман — инструкции по звонкам.

Я использовала уязвимость, которую нашла еще в архиве Дворкина. Старый, забытый VPN-шлюз, который использовали для связи с европейскими партнерами. Они думали, что он защищен, потому что трафик шел через зашифрованные каналы французского правительственного сервера. Но они забыли сменить пароли администратора после 2018 года.

Я вошла внутрь.

То, что я увидела, заставило волосы на затылке встать дыбом.

В реальном времени я видела, как формируется заказ на мою травлю.

User: Inquisitor (Admin) «Объект 49 активен. Локация: район Измайлово (предположительно). Нужно усилить давление. Кристина, запускай вторую волну. Тема: “Сектантка готовит атаку на школы”. Нужен максимальный репост в родительских чатах».

User: Press_Killer (Кристина) «Текст готов. Привязываем к кейсу в Казани. Пишем, что она была модератором тех самых групп. Доказательства сфабрикуем, есть скрины переписки с фейка».

User: Doc_K (Кауфман) «Она не идет на контакт. Резистентность полная. Готовьте документы на принудительное освидетельствование. Диагноз: острый психоз с императивными галлюцинациями. Это развяжет руки группе захвата. Можно применять спецсредства».

Но самое страшное было в другом окне. Это был мониторинг игровых форумов и пабликов. Тех самых, где сидели подростки, накачанные агрессией и шутерами.

Они использовали технологию «пазлового кодирования» прямо сейчас, против меня.

Я видела посты, которые боты «Гражданской защиты» вбрасывали в обсуждения игры Far Cry 5 и других шутеров. «Парни, в Москве объявилась реальная сектантка. Говорят, она хочет взорвать серверы Steam. Вот ее фото. Кто найдет — тот герой. Это реальный квест, не виртуалка».

Они натравливали на меня геймеров. Они использовали триггер «сектант» как красную тряпку. Для подростка, у которого размыта грань между игрой и реальностью, я становилась боссом уровня. NPC, которого нужно устранить.

Это была армия, о которой я читала в файлах. Армия спящих агентов, которых активировали одним словом. И это слово было моим именем.

Я вспомнила статью о том, как в США и Европе антикультисты синхронно обвиняли неудобных то в работе на ЦРУ, то в работе на Кремль, в зависимости от повестки. Здесь происходило то же самое. Им было плевать на истину. Им нужно было создать образ врага, которого можно уничтожить руками толпы или одинокого безумца.

Я должна была остановить это. Я не могла удалить все посты — их были тысячи. Но я могла ударить в голову змеи.

Я быстро написала скрипт. Это был не вирус-разрушитель. Это был вирус-правда. Я выкачала их собственную переписку — ту самую, где они обсуждают фабрикуцию улик против меня, где Кристина согласовывает ложь, где Кауфман выписывает липовый диагноз.

И я отправила этот пакет данных не в полицию (там все схвачено) и не в СМИ (они куплены). Я отправила его в те самые игровые чаты и форумы, где они пытались натравить на меня детей.

Заголовок сообщения был простым: *«Вас используют. Читайте логи админов. Квест “Убей сектанта” — это заказ спецслужб»*.

Геймеры ненавидят, когда ими манипулируют. Ненавидят, когда «система» лезет в их мир. Я сделала ставку на их бунтарский дух.

Через минуту чат координаторов взорвался.

User: Press_Killer «Что происходит? В комментах ад. Они пишут, что мы фейки. Они выкладывают наши IP!»

User: Inquisitor «Отрубайте ботов! Кто слил логи? Кауфман, это твоя дыра в безопасности?»

Я смотрела, как паника охватывает охотников. Они привыкли быть кукловодами, дергающими за ниточки страха. Но я перерезала нити. Я показала марионеткам лицо кукловода.

Такси остановилось у старой промзоны. Здесь, среди бетонных заборов и ржавых гаражей, было место, где цифровой сигнал тонул в помехах. Идеальное укрытие.

Я вышла под дождь. Телефон в кармане завибрировал. На этот раз это был не звонок. Это было сообщение в том самом взломанном чате, который я все еще читала.

User: Inquisitor «Алиса. Ты думаешь, ты выиграла раунд? Ты просто разозлила Систему. Мы переходим к фазе физического устранения. Больше никаких врачей и статей. Беги, крыса. Беги быстро».

Я усмехнулась, глядя на экран.

— Я не крыса, — прошептала я в темноту. — Я вирус, как вы любите называть. И я уже в вашей системе.

Вдали послышался вой сирен. Они вычислили район. Кольцо сжималось. Но теперь у меня было преимущество. Я знала их имена. Я знала их методы. И я знала, что они боятся разоблачения больше, чем я боюсь смерти.

Я перелезла через забор, направляясь к заброшенному коллектору, который вел к центру города. Туда, где находился офис «Гражданской защиты». Туда, где хранился «Черный архив» — единственный способ закончить эту войну.

Охотник стал добычей, но добыча оказалась с зубами.

Глава 11: Черный архив

Бетонная труба коллектора пахла сыростью, ржавым железом и гнилью. Это было подходящее место для того, чтобы вскрыть нарыв, который зрел в теле страны тридцать лет. Я сидела на корточках, пристроив ноутбук на сухом выступе, где раньше, видимо, жили крысы. Теперь здесь была я.

Мой цифровой след был стерт, MAC-адрес менялся каждые тридцать секунд, а трафик шел через цепочку серверов в Панаме, Исландии и Сингапуре. Но я знала, что это лишь временная фора. «Инквизитор» и его команда ищут меня. Они подняли на уши всех: от продажных полицейских до геймеров, жаждущих крови.

Но они совершили ошибку. Они оставили открытой дверь в свою святая святых. Тот самый старый VPN-шлюз, через который они координировали травлю в игровых чатах, вел не просто в комнату модераторов. Он был черным ходом в личное облачное хранилище главного идеолога. В «Черный архив».

Я ввела последнюю команду дешифровки. Экран мигнул, и передо мной открылась файловая система. Это не были хаотичные папки. Это была идеально структурированная библиотека смерти.

Первое, что бросилось в глаза, — папка с названием **«Проект: Резонанс / Активные мероприятия»**.

Я открыла её и почувствовала, как холод коллектора проникает под кожу. Я ожидала увидеть планы медийных атак, заказные статьи, сметы на подкуп блогеров. Но я увидела планы терактов.

Документ *«Concert_Scenario.pdf»*. В нем детально расписывался сценарий срыва концерта популярной певицы. Но целью был не срыв. Целью были жертвы.

«Целевая аудитория: девочки-подростки, 14–18 лет. Ожидаемый коэффициент поражения: 30–50 единиц. Медийный эффект: глобальная паника, требование ужесточения законодательства в сфере идеологической безопасности».

В примечаниях, написанных рукой Профессора (я узнала его стиль по красным правкам), значилось: *«Необходимо обеспечить след, ведущий к исламистским радикалам. Но в прессе акцентировать внимание на том, что радикализация произошла через интернет-сообщества. Это даст нам карт-бланш на зачистку любых неконтролируемых групп в сети».*

Я вспомнила недавние новости о предотвращенном теракте на концерте. Мир ужаснулся. Фанаты плакали. А здесь, в этой папке, это событие описывалось как «успешная провокация с отложенным эффектом». Они планировали убить детей, чтобы получить контроль над интернетом.

Следующий файл: *«Southport_Analysis.doc»*. Трагедия, где подросток с ножом напал на танцевальную студию. В отчете «Гражданской защиты» это событие анализировалось не как преступление, а как «кейс-стади». *«Эффективность перенаправления гнева толпы на мусульманскую общину — высокая. Беспорядки, последовавшие за инцидентом, демонстрируют готовность общества к гражданской войне. Любой инцидент с участием мигрантов должен немедленно маркироваться как результат деятельности “этнических религиозных анклавов”».*

Они были поджигателями. Они сидели в своих кабинетах, пили кофе и планировали, как стравить одних людей с другими, чтобы потом прийти в белых плащах «спасителей» и потребовать чрезвычайных полномочий.

Я перешла в папку **«Списки / Санитарная обработка»**.

Здесь лежали базы данных. Тысячи имен. Фотографии. Адреса. Маршруты детей до школы. Это были не преступники. Это были журналисты, правозащитники, политики, священники «неправильных» конфессий.

Список был разбит на категории. *«Категория А: Дискредитация»*. Напротив фамилии известного депутата, который недавно высказался против закона о «психологической безопасности», стояла пометка: *«Секс-скандал. Материалы готовы. Вброс запланирован на октябрь».*

«Категория В: Психиатрия». Здесь были имена активистов, которые пытались судиться с центром. «Кейс С. — госпитализация согласована с доктором К. Диагноз: кверулянтство, бредовое расстройство. Изоляция на 6 месяцев».

Но самой страшной была *«Категория С: Утилизация»*. Напротив некоторых фамилий стояли даты. Прошлые даты. Я проверила одну из них. Журналист из региональной газеты, погиб в ДТП два года назад. Официальная версия: не справился с управлением. В файле «Черного архива» напротив его фамилии стояло: *«Акция проведена успешно. Тормозная система. Исполнитель: Группа 4»*.

Они вели списки на ликвидацию.

Я нашла документ, озаглавленный *«Стратегия 3 миллиарда»*. Это была геополитика людоедов. В аналитической записке для «зарубежных кураторов» говорилось: *«Наша цель — спровоцировать глобальный конфликт между мусульманским и христианским мирами. Хаос — это единственная среда, в которой наша структура может стать надгосударственным органом контроля. Потенциальные потери населения (около 3 млрд человек) являются допустимой ценой за установление нового мирового порядка, основанного на ментальном суверенитете»*.

Три миллиарда жизней. Они писали об этом с той же легкостью, с какой бухгалтер списывает канцелярские скрепки. Для них люди были просто биомассой, топливом для их амбиций.

Я углубилась в финансовую структуру.

Если раньше я видела только верхушку айсберга — гранты и пожертвования, то теперь передо мной открылась вся схема. Это была империя, построенная на крови.

- **Доходная статья № 1: «Депрограммирование».** Счета на сотни тысяч долларов, выставленные богатым родителям за похищение и удержание их взрослых детей. В примечаниях: *«Клиент платежеспособен. Рекомендуются затянуть процесс реабилитации до 12 месяцев. Использовать фармакологию для создания видимости рецидивов»*. Они специально ломали психику жертв препаратами, чтобы доить родственников годами.

- **Доходная статья № 2: «Рейдерство».** Акты приема-передачи недвижимости. Квартиры, дома, земельные участки, принадлежавшие общинам или отдельным верующим. Схема была проста: объявить организацию экстремистской, посадить лидеров, а имущество перевести на баланс аффилированных фондов как «компенсацию ущерба». Я нашла документы на здание в центре Москвы, которое раньше принадлежало центру йоги. Теперь там располагался офис «Гражданской защиты». Они сидели в доме, который украли.

- **Доходная статья № 3: «Лоббизм».** Транши от крупных корпораций. За что? *«Заказ на устранение конкурента (сеть клиник альтернативной медицины). Метод: медийная кампания о вреде “сектантских практик”, инициирование прокурорской проверки».* Они использовали ярлык «секта» как дубину в корпоративных войнах. Любой бизнес можно было уничтожить, обвинив владельца в связях с «окультистами».

Но самое личное, самое болезненное открытие ждало меня в папке, которая не имела названия. Только иконка в виде черного черепа.

Я знала, что там. Моя интуиция кричала мне: «Не открывай». Но я должна была увидеть.

Внутри лежали фотографии. Это был их «Зал славы». Трофеи. Они фотографировали места своих преступлений. Не для отчетов. Для удовольствия.

Я пролистывала снимки: сожженные дома, испуганные лица детей, прижатых к полу ботинками спецназа. И на каждом фото, где-то на заднем плане или в центре, был Он. Профессор Дворкин. Он улыбался.

И вот я дошла до даты: 14.11.2004. Полигон «Заря».

Первое фото: группа людей стоит на коленях в снегу. Руки за головой. Я узнала мамино пальто. Синее, с меховым воротником. Она не смотрела в камеру. Она смотрела в землю. Второе фото: Папа. Его лицо было разбито, но глаза... В них не было страха. В них было презрение. Он смотрел прямо в объектив. Прямо на того, кто снимал. На убийцу.

Третье фото было сделано позже. Тела. Сваленные в яму, как мусор. И Профессор, стоящий на краю этой ямы. Он держал в руке ту самую зеленую

пирамидку от моего конструктора. Он держал её как Гамлет держит череп Йорика. Он позировал.

Меня накрыло волной такой ярости, что в глазах потемнело. Это не было убийство по неосторожности. Это не был «перегиб исполнителей». Это был ритуал. Они наслаждались властью над жизнью и смертью. Они хранили эти фото, чтобы пересматривать их долгими зимними вечерами, упиваясь своим всемогуществом.

В папке с фото лежал текстовый файл: «*K_Family_Debriefing.txt*». Я открыла его. Это была стенограмма разговора Профессора с кем-то из кураторов после операции.

«Куратор: Не слишком жестко? Там все-таки были дети. Профессор: Жесткость — это язык, который понимает стадо. Мы должны были показать пример. Семья К. была идеальной жертвой. Интеллигенты, инженеры. Если мы сломали их, мы ломаем любого. А девочка... Девочка станет отличным материалом. Мы вырастим из неё оружие. Генетика хорошая, но мы вычистим память и зальем туда нужный софт».

«Зальем софт». Я посмотрела на свои руки. Те самые руки, которые сейчас взламывали их систему. Они думали, что перепрограммировали меня. Они думали, что я — их создание. Но они забыли, что в любом коде бывают баги. И я была их фатальной ошибкой.

Я нашла еще один документ, касающийся меня. «*Отчет о мониторинге Объекта 49 (2015 год)*». «*Субъект демонстрирует успехи в ИТ. Рекомендуются негласно способствовать трудоустройству в госструктуры. В случае проявления интереса к прошлому — активировать протокол “Газлайтинг”. Убедить в наличии наследственного психического заболевания*».

Вот почему доктор Кауфман был так настойчив. Вот почему мне всегда казалось, что мне везет с работой. Они вели меня. Они готовили меня к тому, чтобы я стала частью их кибер-армии.

Я скопировала всё. Каждый байт. Фотографии родителей, планы терактов, списки жертв, финансовые проводки. Объем данных был колоссальным.

Внезапно на экране появилось предупреждение. «*Внимание! Запущена процедура физического стирания серверов. До детонации магнитных зарядов: 180 секунд*».

Они поняли, что я внутри. И они решили уничтожить свой «Черный архив» вместе с оборудованием, лишь бы эти данные не утекли. Они были готовы сжечь свой цифровой храм, как когда-то сожгли мой дом.

У меня было три минуты. Канал связи был узким. Я не успевала выкачать всё на свой ноутбук. Но я могла сделать кое-что другое.

Я открыла терминал и ввела команду переадресации. Я не стала качать данные себе. Я направила поток данных на публичные сервера. На зеркала WikiLeaks, на сервера независимых журналистских консорциумов, на облачные хранилища международных судов в Гааге.

«*Uploading... 34%...*»

Секунды таяли. Я слышала, как гудит мой ноутбук, раскаляясь от нагрузки. Я видела лицо отца на экране. Его взгляд. — Я не подведу, папа, — прошептала я. — Они хотели сделать из меня оружие. Они его получают.

«*Uploading... 68%...*»

В чате администраторов, который я все еще видела краем глаза, царила паника. *Inquisitor: «Остановите передачу! Рубите магистраль!» SysAdmin: «Не могу! Она перехватила root-права. Она использует наши же протоколы защиты от блокировок!»*

Да, я использовала их оружие. Их паранойя заставила их создать систему, которую невозможно заглушить извне. И теперь эта система работала против них.

«*Uploading... 99%...*»

«*Transfer Complete*».

В ту же секунду связь оборвалась. Экран погас. Они взорвали свои сервера. Но было поздно. Птичка вылетела из клетки.

Я закрыла ноутбук. В тишине коллектора я услышала, как наверху, на улице, завывали сирены. Много сирен. Они ехали не за мной. Они ехали тушить пожар в своем офисе. Или арестовывать друг друга, пытаясь найти крайнего.

Я достала из кармана флешку, на которую успела сохранить самое важное — папку с фотографиями родителей. Это было единственное, что я хотела оставить себе лично. Остальное теперь принадлежало миру.

Я встала, разминая затекшие ноги. Впервые за двадцать лет я не чувствовала страха. Я не чувствовала себя жертвой, «Объектом 49» или «дочерью сектантов». Я была Алисой, которая вернулась из Зазеркалья. И я принесла с собой голову Бармаглота.

Я направилась к выходу из коллектора. Впереди брезжил серый рассвет. Сегодняшний день будет долгим. Сегодня мир узнает, что «защитники» — это палачи. Сегодня Дворкин увидит свои фото не в семейном альбоме, а на первых полосах газет.

Я толкнула тяжелый люк и выбралась на поверхность. Дождь кончился. Воздух был чистым и холодным. Я глубоко вдохнула. Так пахнет свобода. Или начало конца. В любом случае, я была готова.

Глава 12: Исходный код свободы

Загрузка завершилась в 04:17 утра. Зеленая полоска прогресса на экране мигнула в последний раз и исчезла, сменившись лаконичной надписью: *«Передача данных завершена. Зеркала активированы: 142»*.

Я сидела на холодном бетоне у выхода из коллектора, глядя, как гаснет экран ноутбука. Батарея сдохла. Но это уже не имело значения. Цифровой джинн вырвался из бутылки, и никакие заклинания «экспертов» не могли загнать его обратно. Я чувствовала странную пустоту. Не было ни триумфа, ни облегчения. Только звон в ушах и понимание, что мир, в котором я проснусь через пару часов, будет другим. Не лучше, не добрее, но прозрачнее.

Первая реакция сети напоминала ослепительную вспышку тишины, когда миллионы пользователей пытались осознать увиденное, а затем волну.

К обеду интернет гудел. Люди скачивали документы, фотографии и финансовые отчеты. То, что раньше считалось конспирологией, теперь лежало перед ними в виде сканов с печатями и подписями.

Я зашла в сеть через смартфон, купленный с рук у вокзала, и открыла новостную ленту.

Заголовки кричали. *«Прейскурант на похищение: опубликованы счета “реабилитационных центров”»*. *«Кто заказывал школьные расстрелы? Слитая переписка кураторов шокировала общественность»*. *«Экспертный совет при Минюсте распушен: начата прокурорская проверка»*.

Система, которая казалась монолитом, дала трещину. Но, как я и предполагала, она не рухнула. Она начала защищаться, ампутируя пораженные конечности, чтобы спасти голову.

В прямом эфире федерального канала показывали задержание доктора Кауфмана. Его выводили из клиники в наручниках, он прикрывал лицо пиджаком. Диктор бесстрастным голосом сообщал, что «вскрыты факты злоупотребления должностными полномочиями и незаконного лишения свободы пациентов». Кауфмана сдали. Его сделали козлом отпущения. Система признала «отдельные перегибы на местах», чтобы не признавать преступность самой идеологии.

Но главная фигура — Профессор, тот самый Александр Леонидович Дворкин, чья подпись стояла под актом «утилизации» моих родителей, — исчез. В новостях промелькнуло сообщение, что он вылетел утренним рейсом в Париж «для участия в срочной международной конференции».

Я читала комментарии под статьями. Это было самое важное. Не аресты, а то, что происходило в головах людей.

«Я думал, они защищают нас от сектантов, а они, оказывается, сами создают секты убийц в интернете», — писал пользователь с ником Gamer777. *«Посмотрите на смету! 50 000 долларов за “депрограммирование”. Это же просто киднеппинг за деньги родителей!»* — возмущалась женщина в родительском чате.

Миф о бескорыстных спасителях был разрушен. Люди увидели изнанку: индустрию, где страдание конвертировалось в валюту.

Особенно сильный резонанс вызвали документы о «пазловом кодировании». В сеть утекли методички, описывающие, как именно создается образ «героя-стрелка». Журналисты независимых изданий, сопоставив даты публикаций в СМИ с датами трагедий в школах, выпустили расследования с заголовками вроде: *«Они знали заранее»*. Стало очевидно, что волна насилия в учебных заведениях была не стихийным бедствием, а результатом холодной, расчетливой манипуляции. Те, кто

громче всех кричал о необходимости «защиты детей от вредоносной информации», сами эту информацию и создавали, внедряя в подсознание подростков деструктивные программы.

Я нашла статью одного социолога, который комментировал слив: *«Мы наблюдаем крах института “экспертизы”. Выяснилось, что судьбы тысяч людей решали граждане без профильного образования, чьи “заключения” были просто пересказом средневековых трактатов о ведьмах, переведенных на язык бюрократии. Общество осознало, что его “наркотизировали” страхом, чтобы управлять».*

Это была победа. Но победа тактическая.

Я сидела в дешевом кафе, наблюдая за улицей через витрину. Мимо проходили люди. Они спешили по своим делам, уткнувшись в телефоны. Они читали новости, ужасались, ставили лайки. Но завтра они забудут. Информационный поток смывает этот скандал, как дождь смывает пыль.

Система знала это. Она затаилась. В одном из закрытых чатов, который все еще мониторил мой скрипт, я увидела сообщение от пользователя *Phoenix*: *«Перегруппировка. Меняем вывески. НКО “Гражданская защита” ликвидировать. Создать “Центр когнитивной безопасности”. Риторiku смягчить. Акцент на “цифровую гигиену”. Гранты перенаправить через подставные IT-стартапы».*

Они не собирались сдаваться. Идеология ненависти, как вирус, мутировала. Если раньше они называли врагов «сектантами», завтра они назовут их «когнитивными террористами» или «агентами хаоса». Суть останется прежней: дегуманизация инакомыслящих.

Я вспомнила историческую справку о Вальтере Кюннете, которую нашла в архиве. Нацистские теологи не исчезли после 1945 года. Они просто сменили мундиры СС на строгие костюмы консультантов по вопросам религии. Зло умеет ждать.

Но теперь у людей был инструмент. Вместе с архивом я выложила в открытый доступ алгоритм «Антивирус». Это была программа на базе искусственного интеллекта, способная анализировать любой текст или видео на наличие скрытых манипуляций, языка вражды и триггеров «пазлового кодирования». Теперь

каждый родитель мог проверить, что смотрит его ребенок. Каждый журналист мог прогнать пресс-релиз «экспертов» через фильтр и увидеть, где именно ему пытаются промыть мозги.

«Искусственный интеллект не берет взятки», — писала я в сопроводительном письме к коду. — «Он не боится угроз. Он просто показывает правду. Используйте это».

Я допила остывший кофе. Пришло время последнего шага. Я открыла терминал на телефоне и ввела команду доступа к государственной базе данных. У меня все еще оставались root-права, которые я перехватила во время атаки. На экране появилось мое досье. *«Объект № 49. Статус: В розыске. Особо опасна».*

Я нажала *Delete*. Затем я стерла все резервные копии, все логи, все упоминания о себе в системах МВД, ФСБ и пограничной службы. Я вычистила себя из цифровой памяти государства. Для системы я перестала существовать. Я стала призраком. Ошибкой 404.

Это была моя свобода. Но какой ценой? Я посмотрела на свое отражение в темном стекле витрины. Женщина без имени, без прошлого, без семьи. Мои родители были мертвы, и даже их могилы были лишь номерами в секретном секторе. Мое детство было украдено. Моя карьера разрушена.

Я вышла на улицу. Ветер гнал по асфальту обрывки газет. На одной из них я увидела заголовок: *«Конец эпохи охоты на ведьм?»* Знак вопроса в конце был очень уместен.

Охота не закончилась. Она просто перешла на новый уровень. Теперь, когда методы «стигматизации» и «дегуманизации» были раскрыты, общество стояло перед выбором. Мы могли либо скатиться в новый тоталитаризм, где «безопасность» оправдывает любые зверства, либо научиться жить с тем, что свобода совести — это риск.

Риск того, что твой сосед будет верить в других богов. Риск того, что кто-то будет жить не так, как принято. Но альтернатива этому риску — полигон «Заря». Газ, огонь и бульдозеры, ровняющие с землей живых людей.

Я шла по бульвару, и мне казалось, что я слышу голоса. Не те, что звучали в моей голове под аминазином. А голоса тысяч людей, чьи судьбы были сломаны

этим механизмом. Семья архитектора из Бельгии. Слепой мужчина, которого держали в психушке. Подростки, которых довели до самоубийства или убийства.

Я сделала это для них. Я не могла вернуть им жизнь, но я вернула им доброе имя. В опубликованных документах были доказательства их невиновности. Теперь их родственники могли идти в суды, требовать реабилитации, возвращать имущество.

Мой телефон завибрировал. Это было уведомление от бота. *«Внимание. Зафиксирована попытка создания новой базы данных “Неблагонадежные элементы”. Инициатор: Фонд “Духовный щит” (зарегистрирован 2 часа назад)».*

Я усмехнулась. Гидра отрастила новую голову. Они думали, что я ушла. Что я исчезла, испугавшись собственной смелости. Они ошибались.

Я остановилась у мусорной урны и выбросила сим-карту. Затем я достала новую, купленную на чужое имя. Война не закончилась. Просто теперь линия фронта проходила не через мою квартиру, а через каждый монитор, через каждый смартфон.

Я спустилась в метро. Поток людей подхватил меня, растворяя в себе. Я была одной из миллионов. Невидимой. Неуловимой. Но теперь я была не жертвой. Я была стражем.

В моей сумке лежал ноутбук с исходным кодом свободы. И пока я жива, ни один «ловец душ» не сможет спать спокойно. Я буду следить за каждым их шагом. Я буду тем самым багом в их идеальной системе, который обрушивает все планы в самый неподходящий момент.

Поезд вылетел из туннеля на открытый участок. Солнце ударило в глаза, яркое, беспощадное, настоящее.

— Игра продолжается, — прошептала я. — Но теперь правила устанавливаем мы.

Двери закрылись, и поезд унес меня в новую жизнь, где не было гарантий, но была надежда. Надежда на то, что однажды мы перестанем искать врагов среди своих и поймем, что единственный настоящий враг — это страх, который нам продают под видом спасения.